

КЕЙТ
МОРТОН

КОГДА
РАССЕЕТСЯ
ТУМАН

The Big Book

Кейт Мортон

Когда рассеется туман

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Мортон К.

Когда рассеется туман / К. Мортон — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-17955-4

Имение Ривертон, Англия, 1924 год. Известный поэт покончил с собой во время вечеринки в честь летнего солнцестояния. Свидетелями были лишь две сестры-аристократки: обаятельная и жизнерадостная Эммелин и красивая, умная, страстная Ханна. Одна, по слухам, была его невестой, другая – любовницей. С тех пор сестры не разговаривали друг с другом. Что же произошло на самом деле? Правду знала лишь горничная Грейс Ривз, которая всю жизнь пыталась забыть события той ночи. Но семьдесят лет спустя, когда кинорежиссер из Голливуда решила снять фильм о произошедшем, давние воспоминания пробудились и секреты прошлого стали открываться...

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-17955-4

© Мортон К., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Часть 1	6
Сценарий фильма	7
Письмо	9
Духи прошлого	10
Гостиная	12
«Ежедневный вестник Брэйнтри»	18
Детская	19
В ожидании концерта	31
Сплошные успехи	40
Журнал «Мистери мейкер»	50
На главной улице	51
На Западном фронте	59
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Кейт Мортон

Когда рассеется туман

Kate Morton
THE HOUSE AT RIVERTON
(The Shifting Fog)
Copyright © Kate Morton, 2006
All rights reserved

thebigbook.

Серия «The Big Book»

Перевод с английского Александры Панасюк
Оформление обложки Ильи Кучмы

© А. Л. Панасюк, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Дэвицу, который всегда держит меня за руку на американских горках

Часть 1

Сценарий фильма

Окончательный вариант, ноябрь 1998 года, с. 1–4

КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН

Автор сценария и режиссер-постановщик Урсула Райан © 1998

МУЗЫКА: главная тема в стиле, популярном после Первой мировой войны. В нежную, романтическую мелодию исподволь вплетаются зловещие нотки.

1. НАТУРА. ПРОСЕЛОЧНАЯ ДОРОГА. СГУЩАЮТСЯ СУМЕРКИ

Проселочная дорога среди бескрайних полей. Восемь часов вечера. Летнее солнце повисло на горизонте и скоро соскользнет за край земли. По узкой дороге черным блестящим жучком ползет автомобиль 20-х годов прошлого века. Старые кусты ежевики тянутся к нему свежими побегами.

Машину трясет на ухабистой дороге, мечутся лучи фар. Мы медленно приближаемся и вскоре движемся рядом. Гаснут последние отблески солнца, наступает ночь. Выходит полная луна, ленты бледного света ложатся на блестящий капот автомобиля.

Заглядываем в машину, рассматриваем неясные профили мужчины и женщины в вечерних костюмах. Мужчина сидит за рулем. В лунных лучах вспыхивают блески на платье женщины. Люди курят, огоньки сигарет – словно отражение неровного света фар. Мужчина что-то говорит, женщина смеется, закидывая голову, боа из перьев сползает, обнажая тонкую белую шею.

Через широкие чугунные ворота автомобиль въезжает в подобие тоннеля, образованного мрачными высокими деревьями. Двигается по глухому зеленому коридору. Мы глядим через лобовое стекло, пока наконец за плотной завесой листьев не замечаем дом.

Величественное английское здание на холме: двенадцать светящихся окон, три маленьких мансардных окошка в крыше, несколько печных труб. Прямо перед нами, на аккуратно подстриженном газоне, возвышается мраморный фонтан, подсвеченный сияющими фонарями: гигантские муравьи, орлы, огромные огнедышащие драконы; струи воды бьют на сотню футов вверх.

Отодвигаемся и наблюдаем, как автомобиль подъезжает к дому, тормозит. Молодой лакей открывает дверцу и предлагает даме руку, помогая выйти.

СУБТИТРЫ: имение Ривертон, Англия. Лето, 1924 год.

2. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ. ВЕЧЕР

Дымная, полутемная кухня в имении Ривертон. Кругом царит возбуждение – полным ходом идет подготовка к приему гостей. Снизу вверх, словно из-под ног, мы наблюдаем, как мечутся туда-сюда запыхавшиеся слуги. Звучат приказы, хлопают, открываясь, бутылки с шампанским, старшие слуги бранят младших. Звенит звонок. Все так же скользя прямо над полом, мы приближаемся к лестнице вслед за юной горничной.

3. ИНТЕРЬЕР. ЛЕСТНИЦА. ВЕЧЕР

Следом за юной горничной поднимаемся вверх по задымленной лестнице, на подносе ритмично позванивают фужеры с шампанским. С каждым шагом наш взгляд скользит все выше и выше, от стройных щиколоток к подолу черной юбки, оттуда – к завязкам фартука и дальше – к светлым кудрям на затылке, пока мы наконец не начинаем смотреть на окружающее ее глазами.

Звуки, доносящиеся с кухни, стихают, их сменяют музыка и смех гостей. На лестничной площадке перед нами открывается дверь.

4. ИНТЕРЬЕР. ВЕСТИБЮЛЬ. ВЕЧЕР

Мы попадаем в просторный мраморный вестибюль, в глаза ударяет сноп света. С высокого потолка свисает сияющая хрустальная люстра. У парадного входа стоит дворецкий, он приветствует мужчину и женщину, тех, что ехали в машине. Не останавливаемся, идем дальше – через весь вестибюль к широким застекленным дверям, ведущим на заднюю террасу.

5. НАТУРА. ЗАДНЯЯ ТЕРРАСА. ВЕЧЕР

Дверь распахивается. Смех и музыка оглушают: мы оказываемся в самом сердце вечеринки. Ослепительная роскошь: перья, блески, шелк. Легкий летний ветерок качает над лужайкой разноцветные китайские фонарики. Играет джаз-банд, женщины отплясывают чарльстон. Мы пробираемся сквозь толпу, нас окружают смеющиеся лица. Люди поворачиваются к нам, берут с подноса шампанское: девушка с ярко накрашенными губами, тучный мужчина с багровым от алкоголя и веселья лицом, сухопарая пожилая дама, обвешанная драгоценностями, – из длинного мундштука тянется струйка дыма.

Грохот, все поднимают глаза. Ночное небо взрывают яркие вспышки фейерверков. Радостные крики, аплодисменты. Разноцветные блики расцветивают запрокинутые лица, музыканты играют изо всех сил, женщины танцуют все быстрее и быстрее.

6. НАТУРА. ОЗЕРО. ВЕЧЕР

В четверти мили от дома, на погруженном во тьму берегу озера Ривертон, стоит молодой человек. Смотрит на небо. Вдалеке шумит праздник. Подходим ближе, глядим, как алые отблески салюта играют на прекрасном лице. Человек одет элегантно, но небрежно. Каштановые волосы растрепаны, челка упала на лоб, вот-вот заслонит темные глаза, которые лихорадочно шарят по ночному небу. Он опускает взгляд и смотрит на кого-то позади нас, полускрытого в тени. В глазах слезы. Приоткрывает рот, словно хочет что-то сказать, однако лишь вздыхает.

ЩЕЛЧОК. Наш взгляд опускается ниже. В трясущейся руке молодого человека – пистолет. Он поднимает его, пистолет исчезает из кадра. Видна только рука, сперва она дрожит, потом твердеет. Выстрел. Пистолет падает в грязь. Женский визг. Музыка.

ВСЕ ПОГРУЖАЕТСЯ В ТЕМНОТУ.

ИЗ ТЕМНОТЫ ВЫПЛЫВАЕТ НАЗВАНИЕ:

«КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН»

Письмо

Урсула Райан
«Фокус фильм продакшнс»
1264 Сьерра-Бонита-авеню, 32
Западный Голливуд, Калифорния
90046 США

Миссис Грейс Брэдли
Дом престарелых «Вереск»
Уиллоу-роуд, 64
Саффрон-Грин, Эссекс
27 января 1999 года

Дорогая миссис Брэдли!

Надеюсь, Вы не рассердитесь, что я вновь пишу Вам по поводу моего фильма под рабочим названием «Когда рассеется туман», хотя до сих пор не получила ответа на свое первое письмо.

В основу фильма легла история любви – история отношений поэта Р. С. Хантера с сестрами Хартфорд и его самоубийства в 1924 году. И хотя наша группа получила разрешение на съемки в имении Ривертон, многие сцены будут сниматься на студии, в павильоне.

Мы воссоздали внутренние интерьеры комнат по фотографиям и описаниям современников, но нам бы хотелось услышать мнение очевидца. Мне очень дорог этот фильм, не хотелось бы испортить его какими-либо неточностями, даже самыми незначительными. И я была бы сердечно Вам благодарна, если бы Вы согласились взглянуть на декорации.

Я наткнулась на Вашу фамилию (девичью, разумеется), когда просматривала список слуг в одном из блокнотов, хранящихся в Музее Эссекса. Я бы и не сообразила, что Грейс Ривз и Вы – одно и то же лицо, не прочти я интервью с Вашим внуком Марком Маккортом, опубликованное в журнале «Спектейтор», где он бегло коснулся истории своей семьи и упомянул, что Вы родом из деревни Саффрон-Грин.

Прилагаю статьи из «Санди таймс» с рассказом о моих предыдущих фильмах и лос-анджелесской «Филм уикли», где говорится о «Тумане». Вы заметите, что роли Хантера, Эммелин Хартфорд и Ханны Лакстон отданы блестящим актерам, в том числе Гвинет Пэлтроу, прошлогодней обладательнице премии «Золотой глобус» за игру в фильме «Влюбленный Шекспир».

Еще раз простите мне мою настойчивость – дело в том, что съемки начнутся уже в феврале, на студии «Шеппертон», близ Лондона, и мне бы очень хотелось связаться с Вами до начала работы. Надеюсь, Вам захочется поучаствовать в создании нашего фильма. Вы можете ответить мне по адресу: миссис Ян Райан, 5/45 Ланкастер-корт, Фулем, Лондон SW6.

С уважением,

Урсула Райан

Ду́хи прошлого

В ноябре я видела кошмар. Мне приснился Ривертон, двадцать четвертый год. Все двери открыты, ветер играет шелковыми занавесками. На холме под кленами – оркестр, в теплом воздухе разносится ленивое пиликанье скрипок. Звенит хрусталь, смеются гости, а небо голубое, прямо как до войны. Лакей, весь черно-белый, наливает шампанское в стоящие пирамидой фужеры, все восторженно хлопают, дивясь его мастерству.

Как это обычно бывает во сне, я словно вижу себя со стороны, пробирающейся между гостями. Двигаюсь медленно, гораздо медленней, чем в жизни, окружающие – вихрь блестящего шелка.

Ищу кого-то.

Картинка меняется: теперь я около летнего дома, только это не летний домик в Ривертоне. Нет, не он. Того красивого нового здания, что построил Тедди, нет и в помине, вместо него – развалюха, обвитая плющом; плющ вскарабкался по стенам, заполз в окна, заплел балки.

Кто-то зовет меня. Я узнаю голос, он доносится из-за дома, с берега озера. Сползаю с обрыва, цепляясь за корни растений. У воды скорчилась неясная фигура.

Ханна. Бледная, в измазанном свадебном платье – декоративные розочки все в грязи. Выступает из тени на свет, глядит на меня.

Ее голос леденит мне кровь:

– Поздно. – Ханна указывает на мои руки. – Слишком поздно.

Я опускаю глаза. В моих руках – юных руках, перепачканных густым речным илом, – стылое, недвижимое тело убитого оленя.

Конечно, я знаю, откуда у меня такие сны. Это все письмо от девушки-режиссера. В последние годы моя почта не отличается разнообразием: несколько поздравительных открыток – от старых друзей к праздникам, отчет-другой из банка, где хранятся сбережения, да приглашения на крестины от молодых родителей, которые вроде бы сами только что были детьми.

Письмо от Урсулы пришло в ноябре, во вторник утром; его принесла Сильвия, когда явилась убирать постель. Подняв ярко нарисованные брови, она помахала конвертом.

– Почта. Судя по штемпелю – из Штатов. Не иначе как от внука? – Левая бровь выгнулась вопросительным знаком, голос понизился до шепота: – Он ведь все еще там?

Я кивнула.

– Страшное дело, слов других нет! И ведь такой молодой, симпатичный...

Сильвия прочитала все время, пока я благодарила ее за письмо. Мне она нравится. Одна из немногих, кто, глядя на мое изрезанное морщинами лицо, видит ту двадцатилетнюю девушку, что живет внутри. И все-таки я не даю втягивать себя в разговоры о Марке.

Вместо этого я попросила Сильвию отдернуть шторы. Она недовольно поджала губы, но только на миг – тут же перешла на другую любимую тему: о погоде. Выпадет ли снег на Рождество, как он подействует на пациентов с артритом. Я отвечала, когда требовалось, но мысли мои были заняты конвертом, что лежал у меня на коленях, – острый почерк, иностранные марки, потертые края, говорящие о долгом путешествии.

– А давайте я вслух прочитаю, – предложила Сильвия, хорошенько взбив мою подушку. – Побережем ваши глаза.

– Нет, спасибо. Лучше передай-ка мне очки.

Когда Сильвия ушла, пообещав зайти попозже и помочь мне одеться, я дрожащими руками достала из конверта письмо, гадая, не решил ли он вернуться, не одолел ли зверя по имени Отчаяние, загнавшего его за океан.

Но письмо оказалось вовсе не от Марка. От девушки, которая снимает фильм о событиях давнего прошлого. Она хочет, чтобы я оценила декорации, вспомнила мебель и вещи, на которые глядела много лет назад. Будто это не я притворялась всю жизнь, что все забыла.

И об этом письме забуду. Я аккуратно сложила листок и сунула в книгу, которую забросила уже давным-давно. Вздохнула. Не в первый раз мне напоминают о том, что случилось в Ривертоне с Робби и сестрами Хартфорд. Однажды я застала конец телепередачи, которую смотрела Руфь, – что-то о военных корреспондентах. Когда лицо Робби показали во весь экран, а внизу мелкими буквами появилось его имя, у меня мурашки по спине побежали. И ничего. Руфь даже не вздрогнула, диктор все так же читал текст, а я вытирала тарелки.

В другой раз, просматривая программу, я наткнулась на знакомое имя в передаче о семидесятилетии британского кино. Заметила время, гадая, решусь ли включить телевизор. Включила и разочаровалась. Эммелин почти и не показали – так, несколько и без того известных фото, на которых совсем не видно, какая она была красивая, да отрывок из немого кино, где она сама на себя не похожа – ввалившиеся щеки, движения дерганные, как у марионетки. Про другие фильмы – те, которые тогда здорово нашумели, – так ничего и не сказали. Видимо, сейчас, во времена всеобщей раскрепощенности, о них и вспоминать-то неинтересно.

Но, несмотря на приветы из прошлого, письмо Урсулы растревожило меня не на шутку. Первый раз за семьдесят лет кто-то связал мое имя с трагическими событиями, вспомнил, что в Ривертоне тем летом служила девушка по имени Грейс Ривз. Я вдруг почувствовала себя какой-то беззащитной. Уязвимой.

Нет. Ни в коем случае. Я твердо решила не отвечать.

И сдержала слово.

А вот воспоминаний сдержать не сумела. Загнанные когда-то глубоко-глубоко, в черные дыры моего подсознания, они начали вылезать, просачиваться сквозь невидимые щели. Образы старомодные, но живые и яркие, будто между ними и мной не лежит целая жизнь. Капля за каплей, а следом – настоящий потоп. Долгие беседы – слово в слово, целые сцены, будто снятые на пленку.

Я сама себе удивлялась. В последнее время память будто моль изгрызла, а вот прошлое вспоминается четко и ясно. Они приходят все чаще – призраки далеких дней, а я почему-то совсем не против. Никогда бы не подумала. Впрочем, призраки, от которых я бежала всю жизнь, теперь даже развлекают меня, вроде тех сериалов, о которых постоянно говорит Сильвия, – она все старается поскорее закончить обход, чтобы включить телевизор в холле. Я почему-то забыла, что среди мрачных событий непременно найдутся и светлые.

И когда на прошлой неделе пришло второе письмо – все тот же резкий почерк и тонкая бумага, – я уже знала, что скажу: да, посмотрю я на ваши декорации. Я и забыла, что такое любопытство. Когда тебе девяносто девять, любопытничать трудно, и все-таки мне захотелось поглядеть на эту Урсулу Райан, которая так увлеклась старой историей, что жаждет вернуть к жизни ее героев.

Я написала ответ, Сильвия отнесла его на почту, и мы с Урсулой договорились о встрече.

Гостиная

Нервное возбуждение, переполнявшее меня всю неделю, к утру встречи стало просто невыносимым. Сильвия помогла мне надеть персиковое платье – рождественский подарок Руфи – и сменить шлепанцы на выходные туфли, которые обычно коротали свои дни в шкафу. Кожа туфель ссохлась, и Сильвия с трудом втиснула в них мои ноги, но ничего не поделаешь – правила хорошего тона. Мне уже поздно менять привычки, я не одобряю этой новой моды более молодых обитателей нашего дома – надевать на выход шлепанцы.

Волосы у меня всегда были светлыми, а сейчас выцвели окончательно и с каждым днем становятся все тоньше и тоньше. Однажды утром я проснусь и вовсе без волос, только жалкие остатки на подушке, да и те исчезнут прямо у меня на глазах. Наверное, я никогда не умру. Просто истаю до такой степени, что северный ветер подхватит меня и унесет прямо в небо.

Макияж чуть-чуть оживил лицо, я очень строго следила за тем, чтобы не переусердствовать. Не хотелось быть похожей на манекен. Сильвия всегда предлагает меня «подкрасить», но, зная ее любовь к фиолетовым теням и жирному блеску, я каждый раз протестую. Представляю, что бы она из меня сделала!

Я с трудом застегнула золотой медальон. Элегантная вещица девятнадцатого века странно смотрелась на фоне повседневной одежды. Поправила его, удивляясь собственной смелости и гадая, что скажет Руфь.

Я перевела взгляд на небольшую серебристую рамку, стоящую на туалетном столике у кровати. Свадебное фото. Я бы не держала его здесь – мой брак был таким недолгим, – если бы не дочь. Мне кажется, ей приятно думать, что я грущу по ее отцу.

Сильвия помогла мне добраться до гостиной – мне до сих пор тяжело произносить это слово, «гостиная», – где меня ожидал завтрак. Туда же явится Руфь, которая без всякого удовольствия согласилась отвезти меня на студию «Шеппертон». Сильвия усадила меня за стол в углу и пошла за соком, а я попыталась убить время, перечитывая письмо Урсулы.

Руфь появилась ровно в половине девятого. Она могла сколько угодно ворчать по поводу поездки, но это никак не повлияло на ее всегдашнюю пунктуальность. Я слыхала, что дети, рожденные в суровое время, всегда хранят на себе его отпечаток, и Руфь, дитя Второй мировой, не исключение. Сильвия всего пятнадцатью годами моложе, а совсем другая – носит слишком узкие юбки, громко хохочет и с одинаковой частотой меняет цвет волос и бойфрендов, усадые лица которых взирают на меня с многочисленных фотографий.

Руфь появилась в дверях – безупречно одетая, причесанная и прямая, как фонарный столб.

– Доброе утро, мама, – сказала она, коснувшись холодными губами моей щеки. – Уже позавтракала? – Она кинула взгляд на полупустой стакан сока. – Надеюсь, это не все, что ты съела? Мы, скорее всего, попадем в пробку и не сможем нигде остановиться. – Руфь взглянула на часы. – Тебе не нужно в туалет?

Я покачала головой, удивляясь, когда успела превратиться для нее в ребенка.

– Ты надела папин медальон? Я его сто лет не видела. – Дочь наклонилась и, одобрительно кивнув, поправила украшение. – У папы был неплохой вкус, правда?

Я согласилась, тронутая тем, как свято можно верить в невинную ложь, услышанную в детстве, и почувствовала прилив любви к нелюбимой, колючей дочери, заглушивший на время постоянное чувство родительской вины, что охватывает меня при взгляде на ее вечно встревоженное лицо.

Руфь подхватила меня под одну руку и вложила трость в другую. Многие предпочитают коляски, некоторые даже с мотором, но мне пока что хватает моей старой палки, я – человек привычки, не вижу смысла ее менять.

Руфь завела машину, и мы влились в медленно ползущий по дороге поток. Она хорошая девочка, моя Руфь, надежная и серьезная. Одета официально – будто идет к адвокату или доктору. Я так и знала. Ей хочется произвести хорошее впечатление, показать этой режиссерше: каким бы ни было мое прошлое, Руфь Брэдли Маккорт – достойная представительница среднего класса, и уж будьте любезны.

Несколько минут мы ехали в тишине, потом Руфь начала щелкать кнопками радиоприемника. У нее руки пожилой женщины – суставы раздулись, кольца надеваются с трудом. Так странно видеть, как стареет твой ребенок. Я опустила взгляд на свои собственные руки. Такие неутомимые в прошлом, привыкшие к любой работе – грубой ли, тонкой, – сейчас они лежали на коленях высохшие, безвольные, ненужные. Наконец Руфь остановилась на программе классической музыки. Ведущий поведал нам что-то на редкость бестолковое о своих выходных и поставил Шопена. Разумеется, простое совпадение, что именно сегодня я услышала вальс си минор.

Руфь затормозила возле огромных белых зданий, квадратных, как ангары для самолетов. Выключила зажигание и несколько секунд сидела молча, глядя перед собой.

– Не понимаю, зачем ты согласилась, – сухо сказала она наконец. – Ты сама строила свою жизнь. Работала, путешествовала, растила ребенка... К чему вспоминать, что было в юности?

Я не ответила, да Руфь и не ждала ответа. Она коротко вздохнула, вылезла из машины и вытащила из багажника мою трость. Молча помогла мне выбраться.

Урсула уже ждала нас – тоненькая девочка с длинными светлыми волосами и густой челкой. Ее можно было бы назвать некрасивой, если бы не чудесные, будто со старинного портрета, темные глаза – огромные, глубокие, выразительные, словно только что написанные кистью.

Она заулыбалась, замахала, подбежала к нам и с жаром затрясла мою руку, выхватив ее у Руфи.

– Миссис Брэдли, как я рада, что вы смогли приехать!

– Грейс, – сказала я, не дожидаясь, пока Руфь укажет Урсуле, что меня следует называть «доктор». – Меня зовут Грейс.

– Грейс! – сияла Урсула. – Вы не представляете, как я разволновалась, получив ваше письмо.

Странно – она говорила без акцента, хотя адрес на конверте был американский. Повернувшись к Руфи, Урсула добавила:

– Спасибо, что привезли Грейс.

Я почувствовала, как Руфь напряглась.

– Вряд ли я посадила бы маму на автобус, в ее-то годы.

Урсула хохотнула, и я порадовалась тому, что в ее возрасте еще можно принимать сарказм за иронию.

– Ну, пойдете внутрь, а то здесь прохладно. Извините за спешку – мы начинаем снимать на будущей неделе, и тут все вверх ногами. Я думала, вы встретитесь с нашим художником по декорациям, но ей пришлось ехать в Лондон за какими-то тканями, – может быть, она еще успеет вернуться до вашего отъезда... Осторожно, сразу за дверью ступенька.

Урсула и Руфь провели меня в вестибюль, а оттуда – в узкий темный коридор с дверями на обе стороны. За теми, что были открыты, маячили смутные фигуры перед мерцающими экранами компьютеров – ничего похожего на то, что я видела когда-то на съемках фильма с Эммелин – давным-давно.

– Вот и пришли, – объявила Урсула у самой последней двери. – Входите, а я организую нам чай.

Она толкнула дверь и помогла мне перешагнуть через порог. Прямо в мое прошлое.

Я очутилась в гостиной Ривертон. Даже обои те самые. Бордовые, в пламенеющих тюльпанах, в модном в то время стиле ар-нуво, яркие, как в тот день, когда их привезли из Лондона. Честерфилдовский гарнитур у камина, накидки из индийского шелка на креслах – точь-в-точь те, что привез когда-то из-за моря дед Ханны и Эммелин, лорд Эшбери, тогда еще совсем молодой морской офицер. Все так же стояли на каминной полке уотерфордский канделябр и судовые часы. Кто-то очень постарался, добывая их, и все же они выдавали себя «неправильным» тиканьем. Даже сейчас, через восемьдесят лет, я помню звук тех, настоящих, часов. Они негромко и настойчиво отмеряли каждую секунду – мерно, холодно, беспощадно, – будто уже тогда знали, что Время не пощадит никого из обитателей дома.

Руфь довела меня до честерфилдовских кресел и оставила там посидеть, пока не разыщет туалет: «Так, на всякий случай». За моей спиной люди суетились и бегали, таскали огромные лампы на тонких паучьих ножках, кто-то хохотал, а я почти не обращала внимания. Вспомнила день, когда я в последний раз вошла в эту гостиную – в настоящую, а не в здешние декорации, – день, когда я твердо решила навсегда покинуть Ривертон.

Я тогда говорила с Тедди. Он отнюдь не обрадовался, но к тому времени успел потерять изрядную часть своей самоуверенности – последние события просто выбили его из колеи. Он походил на капитана тонущего корабля, который все понимает, но ничего не может сделать. Просил меня остаться, если не ради него, так в память о Ханне. И почти уговорил. Почти.

– Мама! – Руфь потрясла меня за плечо. – Мам! С тобой Урсула говорит.

– Простите. Я не слышала.

– Мама немножко глуховата, – объяснила Руфь. – Неудивительно – в ее-то годы. Я пыталась отвести ее на проверку слуха, но она такая упрямая!

Упрямая – согласна. Но не глухая и не люблю, когда об этом говорят; зрение у меня уже не то, я потеряла почти все зубы, быстро устаю, питаюсь почти одними таблетками, а вот слышу не хуже, чем раньше. Просто с возрастом выучилась слышать только то, что сама хочу.

– Я всего лишь сказала миссис Брэдли, то есть Грейс, что странно, наверное, вернуться обратно. Ну или почти обратно. Воспоминания нахлынули?

– Да, – тихо ответила я. – Нахлынули.

– Я только рада, – улыбнулась Урсула. – Значит, мы все сделали правильно.

– Конечно.

– А ничего не бросается в глаза? Может, что-то упущено?

Я снова оглядела декорации. Гостиную воссоздали очень тщательно, вплоть до ряда гербов на стене у двери, центральный из которых – шотландский чертополох – повторялся на моем медальоне.

И все-таки кое-что действительно пропало. При всей своей похожести декорации были мертвы. «Это всего лишь прошлое, – будто говорили они. – Занятное, но давным-давно ушедшее». Как в музее.

И как в музее, все кругом казалось безжизненным.

Понятно, что по-другому и быть не могло. Это для меня начало двадцатого века – время молодости: тревог и приключений, радости и горя. А для здешних художников – древняя история. Эпоха, которая требует тщательного воссоздания и разбора, массы старомодных деталей – как в средневековом замке.

Я чувствовала, что Урсула смотрит на меня, пытаюсь угадать мои мысли.

– Лучше и быть не может, – успокоила я ее. – Все на своих местах.

И тут она сказала такое, от чего я чуть не подскочила.

– Кроме хозяев.

– Да, – согласилась я. – Кроме хозяев.

На мгновение они как будто ожили передо мной: Эммелин раскинулась поперек дивана, вся – сплошные ноги и ресницы, Ханна нахмурилась, читая книгу, Тедди мерит шагами бессарабский ковер...

– Похоже, Эммелин любила поразвлечься, – сказала Урсула.

– О да.

– Про нее разузнать было легче легкого – ее имя красовалось чуть ли не в каждой колонке светских сплетен того времени. Да еще в письмах и дневниках половины тогдашних холостяков!

– От отсутствия популярности не страдала, – кивнула я.

Урсула поглядела на меня из-под челки.

– А вот понять, какой была Ханна, оказалось гораздо сложнее.

Я неловко откашлялась.

– Правда?

– Сплошная загадка. Не то чтобы о ней не писали в газетах – писали. И поклонники имелись. Только, похоже, никто из них не знал ее по-настоящему. Да – любили, да – уважали. Но не знали.

Ханна встала передо мной как живая. Умная, несчастная, удивительная. И заботливая, слишком заботливая.

– У нее был непростой характер.

– Да, – кивнула Урсула. – Я так и поняла.

– Одна из сестер вышла замуж за американца, верно? – спросила Руфь.

Я с удивлением взглянула на дочь. Иногда мне казалось, что не знать ничего о Хартфордах – дело всей ее жизни.

Она перехватила мой взгляд:

– Я тут почитала кое-что.

Руфь в своем репертуаре – какой бы неприятной ни была встреча, к ней все равно надо как следует подготовиться.

– Вышла замуж сразу после войны, – повторила она. – Которая из них?

– Ханна.

Ну надо же. Неужели я произнесла это имя вслух?

– А вторая сестра? – продолжала выпытывать Руфь. – Эммелин? Она нашла себе мужа?

– Нет, – ответила я. – Хотя была помолвлена.

– И не раз, – добавила, улыбаясь, Урсула. – Никак не могла выбрать мужчину своей жизни.

Да нет, выбрала. Еще как выбрала.

– Думаю, мы так никогда и не узнаем точно, что случилось в тот вечер.

– Скорее всего.

Жесткие туфли неприятно врезались в ноги. К вечеру ступни отекут, Сильвия станет ахать и предлагать ножные ванны.

Руфь выпрямилась на стуле.

– Но вы-то, мисс Райан, вы-то знаете, что случилось? Вы же снимаете по этой истории фильм.

– В общем и целом – да, – согласилась Урсула. – Моя прабабушка была в ту ночь в Ривертоне – сестры Хартфорд приходились ей родней по мужу, и эта история стала чем-то вроде семейной легенды. Прабабушка рассказывала ее бабушке, бабушка – маме, а мама – мне, много-много раз. Мне не надоедало, я всегда знала, что когда-нибудь сниму по ней фильм. – Она улыбнулась, пожала плечами. – Однако, как и в каждой истории, в этой есть белые пятна. Я провела настоящее расследование, читала газетные статьи и полицейские рапорты, но там

все как-то не до конца, будто под цензурой. Мне так показалось. К несчастью, обе свидетельницы самоубийства тоже давно умерли.

– Не слишком-то веселая история для кино, – заметила Руфь.

– Нет-нет, это именно то, что надо, – запротестовала Урсула. – Восходящая звезда британской литературы убивает себя на берегу мрачного ночного озера в разгар празднества. Единственными свидетелями становятся две очаровательные сестры, которые с тех пор не разговаривают друг с другом. Одна – его невеста, вторая, по слухам, – любовница. Ужасно романтично!

Тяжелый комок в животе чуть-чуть разошелся. Выходит, она знает только официальную версию. И правда, почему это мне взбрело в голову, что будет иначе? А главное – что за странная преданность заставляет меня хранить молчание? Как будто после стольких лет все еще важно, что скажут люди!

Впрочем, я знаю, откуда она, эта преданность. Впиталась с материнским молоком. Так сказал мистер Гамильтон, провожая меня в день моего увольнения, – я стояла на верхней ступеньке крыльца возле входа для слуг, сжимая сумку с немногочисленными пожитками (с кухни доносились рыдания миссис Таунсенд). Еще он сказал, что я была рождена для этого дома, так же как когда-то моя мать, а еще раньше – ее родители, и что я поступаю глупо, бросая такое прекрасное место и такую почтенную семью. Сокрушался, что в Англии обесцениваются понятия верности и преданности, и клялся, что не позволит этой заразе проникнуть в Ривертон. Не для того же мы выиграли войну, чтобы все потерять.

Бедный мистер Гамильтон: он был совершенно уверен, что, бросая службу, я обрекаю себя на нищету и моральную гибель. Много позже я поняла, как ему было страшно, какими жуткими и непонятными казались перемены, бушевавшие в то время в обществе. Как хотелось ему ухватиться за надежные старые устои.

И все-таки он был прав. Конечно, не во всем: и деньги, и мораль – все осталось при мне, кроме той части души, что была навек привязана к Дому. А часть Дома навсегда поселилась во мне. Долгие годы запах воска для мебели «Стаббинс и К^о», хруст гравия под колесами машин, похожая мелодия дверного звонка возвращали меня в прошлое. Будто мне снова четырнадцать, и, уставшая от переделанной за день работы, я сижу, попивая какао, на кухне, у огня, мистер Гамильтон читает нам те отрывки из «Таймс», которые, по его мнению, годятся для наших чувствительных ушей, Альфред подшучивает над Нэнси, та хмурится, а миссис Таунсенд мирно похрапывает над вязаньем, свалившимся на ее необъятные колени.

– А вот и чай, – сказала Урсула. – Спасибо, Тони.

Рядом со мной появился молодой человек с подносом и составил на стол разномастные чашки и банку из-под джема, игравшую роль сахарницы. Руфь передала одну из чашек мне.

– Мама, что с тобой? – Она достала платок и начала вытирать мне лицо. – Тебе нехорошо?

Только тогда я почувствовала, какие мокрые у меня щеки.

Видимо, все дело в аромате чая. И в этих честерфилдовских креслах. Навалились давние воспоминания и забытые тайны. Прошлое и настоящее с грохотом сшиблись посреди комнаты.

– Грейс, чем вам помочь? – Это уже Урсула. – Может быть, прикрутить отопление?

– Я отвезу ее домой. – А это снова Руфь. – Так и знала, что добром это не кончится.

Да, пора домой. Я хочу домой. Я почувствовала, как меня поднимают, вкладывают в руку трость. Кругом звенели голоса.

– Извините, – сказала я всем сразу. – Я просто устала.

Очень устала. Много лет назад.

Ноги болели – мстили мне за туфли. Кто-то заботливый – наверное, Урсула – поддерживал меня, вел за руку. Мокрые щеки холодил ветер.

И снова машина Руфи – мимо полетели дома, деревья, дорожные знаки.

– Успокойся, мама, все будет хорошо, – твердила дочь. – Это я виновата. Не нужно было тебя туда возить.

Я положила ладонь на ее напряженную руку.

– Я как чувствовала, – продолжала Руфь. – И зачем только согласилась?

Я прикрыла глаза. Вслушалась в гудение двигателя, скрип дворников по стеклу, шум машин.

– Ничего, скоро ты отдохнешь, – бормотала Руфь. – Мы едем домой и больше туда не вернемся.

Я улыбнулась, чувствуя, как меня уносит на волнах памяти.

Поздно. Я уже дома. Я вернулась.

«Ежедневный вестник Брэйнтри»

17 января 1925 года

ТЕЛО ОПОЗНАНО: ГИБЕЛЬ ЗВЕЗДЫ

Тело, обнаруженное вчера утром на Брэйнтри-роуд, принадлежит актрисе и местной знаменитости – достопочтенной Эммелин Хартфорд, двадцати одного года. Как стало известно, мисс Хартфорд ехала из Лондона в Колчестер, и машина врезалась в дерево.

Мисс Хартфорд должна была прибыть в «Кодли-хаус», имение ее давней подруги, миссис Фрэнсис Викерс, в субботу утром. Когда же этого не случилось, миссис Викерс забеспокоилась и оповестила полицию.

Коронер проведет необходимое расследование, чтобы выяснить причину гибели, пока же полиция не видит в случившемся злого умысла. Если верить свидетелям, причиной аварии стали гололедица и слишком высокая скорость движения.

У мисс Хартфорд осталась старшая сестра, достопочтенная миссис Ханна Лакстон, жена видного члена партии консерваторов, представителя Саффрон-Грин мистера Теодора Лакстона. И мистер и миссис Лакстон отказались общаться с прессой. Семейные поверенные, «Гиффорд и Джонс», сделали от имени своих клиентов заявление, в котором это нежелание объясняется глубоким горем, постигшим семью.

И это не первая трагедия за последнее время. Прошлым летом в своем имении Ривертон мисс Эммелин Хартфорд и миссис Ханна Лакстон стали, к несчастью, свидетельницами самоубийства известного поэта лорда Роберта С. Хантера. Незадолго до этого лорд Хантер был удостоен литературной награды «Таймс» в области поэзии.

Детская

Сегодня не холодно, в воздухе уже пахнет весной, я сижу в парке, на скамейке под вязом, играя в прятки с неярким зимним солнцем. Щеки замерзли и сморщились, как забытые в холодильнике персики, но что поделать – Сильвия решила, что мне срочно нужен свежий воздух.

Сижу и вижу, как впервые попала в Ривертон; так ясно, будто исчезли прошедшие годы, на дворе снова июнь тысяча девятьсот четырнадцатого, и мне снова четырнадцать: наивная, нескладная, перепуганная, я иду по лестнице следом за Нэнси, вверх, вверх, по тщательно натертым деревянным ступеням. Ее юбка шелестит в такт шагам, будто смеется надо мной, неуклюжей. Я тороплюсь изо всех сил, чтобы не отстать, ручка чемодана больно впивается в пальцы, и все равно теряю Нэнси из виду всякий раз, как она поворачивает на следующий пролет, оставляя мне лишь шелест платья...

Когда мы поднялись на самый последний этаж, Нэнси двинулась вдоль по темному коридору с низким потолком и наконец, щелкнув каблуками, остановилась у маленькой дверцы. Повернулась и нахмурилась, наблюдая, как я, спотыкаясь, догоняю ее. Пронзительные черные глазки недовольно сузились.

– Ну и ну! – с отчетливым ирландским акцентом провозгласила она. – Не думала я, что ты такая копуша! Твоя мама ничего об этом не говорила.

– Нет-нет, я не копуша, просто чемодан тяжелый.

– А грохот-то подняла! Как же ты работать будешь, если не в силах собственный чемодан по лестнице поднять? Смотри, если мистер Гамильтон услышит, что ты таскаешь щетку для ковров, будто мешок с мукой, тебе не поздоровится.

Она отворила дверь. Комната оказалась маленькой и скромной, в ней почему-то пахло картошкой. И все-таки половина ее – половина железной кровати, комод и стул – отныне принадлежала мне.

– Вот твое место, – сказала Нэнси, кивая на дальний край кровати. – Другая сторона – моя, так что тут, будь добра, ничего не трогай. – Нэнси пробежалась пальцами по своему комоду, мимоходом огладив распятие, Библию и щетку для волос. – И не вздумай шарить по ящикам – все равно замечу. Давай распаковывайся, переодевайся и спускайся вниз работать. Времени зря не трать и не вздумай нигде бродить – ступай напрямиком на кухню. Сегодня приезжают внуки хозяина, так что обед в двенадцать, мы и так уже опаздываем с уборкой. Мне с тобой возиться некогда. Будем надеяться – ты не лентяйка.

– Нет, – сказала я, все еще оскорбленная ее недавним предположением, что я могу шарить по ящикам.

– Что ж, поглядим, – недоверчиво сказала Нэнси, покачивая головой. – Не знаю, не знаю... Я просила найти мне в помощь еще одну девушку, а мне кого привели? Ни опыта, ни рекомендаций, да к тому же копуша.

– Я не...

– Все! – недовольно дернув головой, оборвала меня Нэнси, развернулась на каблуках, и я осталась одна в тесной темной комнате на последнем этаже. Только юбка зашелестела по коридору.

Я затаила дыхание, прислушалась.

Наконец, когда все звуки смолкли, я подошла к двери, беззвучно прикрыла ее и повернулась, чтобы осмотреть свое новое жилище.

Разглядывать было особо нечего. Я провела рукой по спинке кровати, пригнув голову, чтобы не стукнуться о наклонный потолок. На матрасе лежало аккуратно сложенное серое одеяло, один угол был отогнут опытной рукой. Единственное украшение комнаты – небольшая картинка на стене со сценой охоты: залитый кровью олень со стрелой в боку. Я поспешно

отвела глаза и осторожно опустилась на кровать, стараясь не мять тщательно натянутое белье. Пружины скрипнули, я подскочила, покраснев от испуга и неожиданности.

Узкое окошко пропускало в комнату немного тусклого света. Я забралась коленями на стул и выглянула наружу.

Окно выходило за дом. Отсюда, свысока, я увидела уставленную шпалерами для цветов розовую аллею, что вела к южному фонтану. Я знала, что сразу за ним лежит озеро, на другом берегу которого стоит наша деревня и мой дом – дом, в котором я провела четырнадцать лет своей жизни. Я представила, как мама сидит сейчас у кухонного окна – там света больше, – склонившись над штопкой.

Как она там одна? В последнее время мама сильно сдала. Я слышала, как по ночам она стонала от боли в спине. А по утрам просыпалась с такими распухшими пальцами, что мне приходилось растирать ее руки под теплой водой, чтобы она смогла хотя бы ухватить клубок ниток. Миссис Роджерс из нашей деревни согласилась забегать к ней каждый день, и старьевщик обещал заглядывать дважды в неделю, но ведь этого так мало. Без меня мама, скорее всего, не сможет штопать. Чем ей заработать на жизнь? Конечно, у меня теперь будет небольшая зарплата, но уж лучше бы я осталась дома...

Это мама настояла на том, чтобы мне идти работать. Не принимала никаких возражений, лишь качала головой и повторяла, что лучше знает. Она прослышала, что в Ривертоне ищут девушку в услужение, и знала, что я им подойду. Откуда знала – непонятно. Сплошные секреты – полностью в мамином духе.

– Это недалеко, – объясняла она. – В выходные будешь прибегать – помогать мне.

Наверное, я выглядела очень потерянно, потому что мама протянула руку и погладила меня по щеке. Не похоже на нее, я и не ожидала. Даже вздрогнула от прикосновения исколотых иглой пальцев.

– Ничего, моя девочка. Ты ведь знала, что когда-нибудь придется искать себе работу. А тут такая хорошая возможность, сама увидишь. Мало где возьмут служанку твоих лет. Лорд Эшбери и леди Вайолет – неплохие люди, а мистер Гамильтон, хоть и кажется строгим, очень честный и порядочный человек. Работай усердно, выполняй, что прикажут, и все у тебя будет хорошо. – Мама сжала мою щеку дрожащими пальцами. – И знаешь что, Грейси? Помни свое место. Слишком много девушек нажили себе неприятности, забыв, кто они такие.

Я пообещала, что так и сделаю, и в следующую субботу, одетая в свое лучшее платье, уже шагала к дому на холме. Меня ожидал разговор с леди Вайолет.

Народу в доме немного, сообщила мне хозяйка, только лорд Эшбери, который большую часть времени проводит на деловых встречах и в клубе, да она сама. Оба их сына – майор Джонатан и мистер Фредерик – уже выросли, женились и живут отдельно, но часто навещают родителей, и, если я буду хорошо работать и останусь в доме, я обязательно их увижу. Управляющий такой небольшой семье не нужен, все дела ведет мистер Гамильтон, а за кухню отвечает миссис Таунсенд, повариха. Если они останутся мной довольны, я получу место.

Тут леди Вайолет замолчала и посмотрела на меня, как на пойманную мышь в стеклянной банке. Я тут же ощутила, что подол платья слишком кривой от многочисленных попыток отпустить его пониже, что на чулках, там, где они трутся о края ботинок, – заплатки, что у меня слишком длинная шея и слишком большие уши.

Леди Вайолет моргнула и улыбнулась, глаза ее остались ледяными.

– Что ж, выглядишь ты аккуратно, а мистер Гамильтон говорил, что ты умеешь шить.

Я кивнула. Она встала и подошла к письменному столу, оперлась рукой о спинку стула.

– Как поживает твоя мать? – не поворачивая головы, спросила леди Вайолет. – Ты знаешь, что она тоже служила у нас?

Я отвечала, что да, знаю, и мама, спасибо, хорошо. Я даже не забывала прибавлять «мэм».

Наверное, я сказала все правильно, потому что после этого она предложила мне пятнадцать фунтов в год, велела начинать прямо с завтрашнего дня и позвала Нэнси, чтобы та проводила меня к выходу.

Я отодвинулась от окна, вытерла запотевшее стекло и слезла со стула.

Мой чемодан лежал там, где я его кинула, – с другой стороны кровати, и я подтащила его к комоду, который теперь стал моим. Стараясь не глядеть на умирающего оленя, я сложила в верхний ящик одежду: две юбки, две блузки и пару черных рейтуз, которые связала под руководством мамы, чтобы не мерзнуть зимой. Потом, оглянувшись на дверь, я с заколотившимся сердцем распаковала свое главное сокровище.

Целых три тома. Потрепанные зеленые обложки с золотыми буквами. Я засунула их в нижний ящик и обернула шалью: тщательно, чтобы нигде ничего не торчало. Мистер Гамильтон выразился предельно ясно: Библия – пожалуйста, а все остальные книги не приветствуются и должны быть предъявлены ему для рассмотрения и возможной конфискации. Я вовсе не собиралась бунтовать – напротив, в те времена я четко знала, что хорошо, что плохо, – но жизнь без Холмса и Ватсона казалась просто невозможной.

Чемодан я задвинула под кровать.

На крючке у двери висела форма – черная юбка, белый фартук, кружевная наколка, – я оделась, чувствуя себя ребенком, который залез к маме в шкаф. Юбка была грубой, складка слишком широкого для меня воротника блузки царапала шею. Когда я расправила фартук, из него выскочила маленькая белая моль и полетела искать себе новое пристанище. Я с завистью проводила ее глазами.

Белая кружевная наколка должна была торчать прямо надо лбом; я заглянула в зеркало над комодом – проверить, что надела ее ровно, и зачесать волосы за уши, как учила мама. Девочка в зеркале поймала мой взгляд, и я подумала: что за серьезное у нее лицо! Редкий и странный момент – когда застаешь врасплох себя самого, такого как есть, без всякого приговора.

Сильвия приносит мне небольшую чашку горячего чая и кусок лимонного пирога. Садится совсем рядом на железную скамью и, оглянувшись на дом, вытаскивает пачку сигарет (вот интересно – как только ей хочется курить, мне срочно требуется свежий воздух!). Предлагает мне. Я, как обычно, отказываюсь, Сильвия, как обычно, кивает:

– Оно и правильно, в вашем возрасте. Я за вас с удовольствием покурю.

Сильвия хорошо выглядит – сделала что-то с волосами. Я сообщаю ей об этом, она кивает, выдыхает струюку дыма и, потряхивая головой, демонстрирует роскошный хвост.

– Нарастила волосы, – объясняет она. – Всегда хотела иметь такую прическу и наконец сказала себе: «Жизнь так коротка, спеши быть красивой!» Правда, как настоящие?

Я медлю с ответом, и Сильвия принимает это за согласие.

– Потому что они и есть настоящие. Все знаменитости так делают. Вот потрогайте.

– И правда, – подтверждаю я, поглаживая жесткий хвост. – Настоящие волосы.

– Сейчас чего только не делают. – Сильвия взмахивает сигаретой с ярко-красным кружком помады. – За деньги, понятно. Хорошо, что я отложила кое-что на черный день.

Она прямо светится, и я наконец-то догадываюсь о причине таких изменений. Ну разумеется – из кармана блузки извлекается фотография.

– Энтони, – сияя, поясняет Сильвия.

Я с готовностью надеваю очки, гляжу на мужчину средних лет с седеющими усами и объявляю:

– Очень приятный.

– Еще какой, – счастливо вздыхает Сильвия. – Мы встречались всего несколько раз, за чаем, но у меня хорошее предчувствие. Настоящий джентльмен, заметно, да? Не то что те, прежние. Открывает передо мной дверь, дарит цветы, в кафе отодвигает стул, чтобы я села. Такой старомодный!

Последнее слово говорится для меня – все знают, что старушки любят старомодных.

– И кем он работает? – интересуюсь я.

– Учителем в местной школе. История и английский. Он такой умный! И благородный – помогает местному историческому обществу. Его хобби – всякие там графы и графини. Он столько знает об этом вашем семействе, что жило там, в большом доме на холме.

Она снова оглядывается и испуганно таращит глаза.

– Черт, сестра Рэтчет. Я сейчас должна разносить чай. Небось, Берти Синклер опять наступал. А ему, между прочим, вовсе не помешает время от времени отказываться от печенья.

Сильвия тушит сигарету и заворачивает окурочек в салфетку.

– Ладно, работа не ждет. Ничего не нужно, пока я здесь, а? Вы почти не притронулись к чаю.

Я уверяю Сильвию, что все в порядке, и она убегает по зеленой лужайке, хвост подпрыгивает в такт движениям бедер.

Приятно, когда за тобой ухаживают, приносят чай. Приятно думать, что я заработала эту маленькую роскошь. Бог знает, сколько раз я сама подавала чай другим людям. Иногда я ради смеха представляю себе, что было бы, если б Сильвия попала в Ривертон. Да какое там – молчаливое подчинение не для нее. Она слишком самоуверенна и не стала бы слушать замечаний вроде «знай свое место» и «не заносись». Нет, Нэнси Сильвия бы точно не понравилась, я была гораздо покладистой.

Хотя что сравнивать – люди с тех пор сильно изменились. Прошедшее столетие порядком нас потрепало. Даже самые молодые и благополучные носят свой цинизм как орден, глаза их пусты, а головы полны мыслей, которым там не место.

Кстати, именно поэтому я так никому и не открыла, что случилось с сестрами Хартфорд и Робби Хантером. А были минуты, когда мне очень хотелось облегчить душу и все рассказать Руфи. А еще лучше – Марку. Но прежде чем произнести первое слово, я понимала, что они слишком молоды. Вытаращат глаза и спросят: «А почему она просто не...» или «А они что, не могли...», а мне придется бормотать надоевшее: «Времена были другие...»

Конечно, прогресс коснулся нас уже тогда. Первая мировая война изменила все – и наверху, и под лестницей. Мы просто не знали, что и подумать, когда после войны появилась прислуга, которая увольнялась так же легко, как и поступала на работу, и толковала о профсоюзках, минимальных зарплатах и обязательных выходных. До этого мир был прост и понятен, различия между людьми ясны и незыблемы.

В первое же рабочее утро меня вызвали в буфетную, к мистеру Гамильтону, который склонился над свежей газетой. При моем появлении он выпрямился и поправил круглые очки на длинном, похожем на щипцы для свечей носу с широкими ноздрями. И столь серьезным было мое «введение в должность», что миссис Таунсенд оставила ненадолго обеденные хлопоты и явилась, чтобы присутствовать при этом событии. Мистер Гамильтон придирчиво осмотрел мою форму и, признав ее удовлетворительной, прочел мне лекцию о различиях между нами и Ими.

– Никогда не забывай, – поучал он, – в какой необыкновенный дом тебе посчастливилось попасть. Это не только редкая удача, но и огромная ответственность. Что бы ты ни сделала, это тут же отразится на Семье, и потому служи им верой и правдой, храни их тайны и не обмани оказанного тебе доверия. Помни: хозяин всегда прав. Заботься о нем и его близких. Служи им безмолвно, преданно, благодарно. Работа хороша лишь тогда, когда она незаметна, вышколенную прислугу не видно и не слышно.

Мистер Гамильтон поднял голову и загляделся вдаль. Его румяные щеки покраснели еще больше.

– Ты поняла меня, Грейс? Не вздумай забыть, какая честь тебе оказана.

Можно только предположить, что сказала бы на это Сильвия. Наверняка не прониклась бы, в отличие от меня: меня-то переполняли благоговение и смутное чувство, что я поднялась на ступень выше по жизненной лестнице.

Я усаживаюсь поудобней и тут замечаю забытое Сильвией фото: тот самый новый ухажер, который завлекает ее знанием истории и интересом к аристократам. Видала я таких. Собирают газетные вырезки и фотографии, рисуют фамильные древа семейств, к которым не имеют никакого отношения.

Я не презираю их, вовсе нет. Мне и самой интересно, как это время стирает живую жизнь, оставляя лишь бледный отпечаток. Плоть и душа исчезают, остаются имена и даты.

Я снова закрываю глаза. Солнце переместилось, и щеки наконец согрелись.

Обитатели Ривертонна давно умерли. Время состарило меня, но не их – по-прежнему юных, навеки прекрасных.

Нет, хватит. Я стала слезливой и сентиментальной. Никакие они не юные и не прекрасные. Мертвые, вот и все. Давно похоронены. Обрывки воспоминаний тех, кто когда-то с ними встречался.

Когда я впервые увидела Ханну, Эммелин и их брата Дэвида, они обсуждали, как выглядят прокаженные. К этому времени дети пробыли в Ривертоне уже около недели – ежегодный летний визит, – но до тех пор я лишь изредка ловила взрывы смеха и топота, от которых устало покряхтывал старый дом.

Нэнси считала, что я еще слишком неопытна, чтобы прислуживать хозяевам – даже таким молодым, – и находила мне работу там, где я не могла с ними столкнуться. Остальные слуги готовили дом к приезду взрослых гостей, а мне поручили заняться детской.

Правда, внуки у хозяина уже большие, добавила Нэнси, и детская вряд ли понадобится, но такова традиция, и потому самую большую комнату на втором этаже положено проветривать, убирать и ежедневно менять там цветы.

Я постараюсь описать ее, хотя и знаю, что никакой рассказ не передаст того странного очарования, которое охватывало меня при входе в эту комнату. Огромная, квадратная, мрачная и какая-то, несмотря на все уборки, заброшенная. Необыкновенная, загадочная, как старая сказка, спящая тысячелетним колдовским сном. Воздух тут висел холодной завесой, а в кукольном домике у камина стоял накрытый к обеду стол, за который никогда не сядут гости.

Обои, когда-то голубые в белую полоску, посерели от сырости, а кое-где и отслоились. По одной стене висели выцветшие иллюстрации к сказкам Андерсена: стойкий оловянный солдатик на каминной полке, девочка в красных башмачках, русалочка, оплакивающая свою судьбу. Пахло плесенью и пылью, комната казалась давно покинутой обителью каких-то призрачных детей.

У закопченного камина стояло кожаное кресло, сводчатые окна выходили во двор: если влезть на потемневший деревянный диванчик у окна и высунуться подальше, увидишь двух бронзовых львов на изъеденных временем и непогодой постаментах, они внимательно глядят на раскинувшееся в соседней долине кладбище.

У окна коротал свои дни потрепанный конь-качалка: статный, серый в яблоках жеребец с добрыми черными глазами, которые – я была уверена – светятся благодарностью, когда я вытираю с него пыль. Рядом с ним, бок о бок, сидел Реверли. Огромный черный пес, любимец маленького лорда Эшбери, погиб, угодив лапой в лисий капкан. Чучельник, как мог, постарался замаскировать рану, но полностью скрыть повреждения так и не удалось. Во время уборки я обычно накидывала на Реверли тряпку, и тогда можно было почти поверить, что он

не сидит тут, в комнате, глядя на меня тусклыми стеклянными глазами и скрывая дыру под заплатой.

И все-таки, несмотря на Реверли, запах сырости и облезавшие обои, детская стала моей любимой комнатой. День за днем, как и предсказывала Нэнси, я находила ее пустой – дети бегали по всему имению и сюда не заглядывали. Я старалась побыстрее покончить с остальными делами и побыть тут подольше, в полном одиночестве. Вдали от непрерывных указаний Нэнси, мрачноватых замечаний мистера Гамильтона, оживленной суматохи остальных слуг, напоминающей мне о том, как мало я еще умею. Я перестала замирать от страха, научилась ценить одиночество. Представляла, что это моя комната.

А еще тут были книги, много книг, я никогда не видела столько в одно время в одном месте: приключения, исторические романы, сказки – они стояли рядами на огромных стеллажах по обе стороны камина. Как-то я вытянула одну, корешок которой мне особенно понравился. Провела ладонью по покособившейся обложке, открыла и прочла четко напечатанное имя «Тимоти Хартфорд». Перевернула страницу, вдохнула годами копившуюся пыль и... провалилась в другую жизнь.

Читать я научилась в деревенской школе, и наша учительница, мисс Руби, приятно удивленная столь нечастым для ее учеников рвением к учебе, стала снабжать меня книгами из ее собственной библиотеки: «Джейн Эйр», «Франкенштейн», «Замок Отранто». Когда я возвращала книги, мы обсуждали полюбившиеся места. Мисс Руби даже говорила, что я и сама могла бы стать учительницей. Однако мама, услышав об этом, рассердилась. Очень мило со стороны мисс Руби вбивать мне в голову разные идеи, сказала она, только идеи на стол не поставишь. И вскоре после этого отправила меня в Ривертон – к Нэнси, мистеру Гамильтону и детской...

Которая ненадолго стала моей детской, а книги – моими книгами.

Но однажды имение накрыл туман, заморосил дождь. Я шла по коридору, предвкушая, что просмотрю сейчас детскую энциклопедию с картинками, которую обнаружила за день до этого, и вдруг остановилась как вкопанная. Из-за двери доносились голоса.

Это просто ветер, уговаривала я себя, он принес голоса откуда-то издали. Отворила дверь, заглянула внутрь и вздрогнула. В детской были люди. Юные люди, которым эта загадочная комната подходила как нельзя лучше.

И в тот же миг, без всякого предупреждения, детская перестала быть моей. Я стояла в нерешительности, не зная, стоит ли мне заняться уборкой или лучше прийти попозже. Снова заглянула, робея от взрывов смеха. Звонких, уверенных голосов. Блестящих волос и разноцветных лент.

Дело решили цветы. Они стояли в вазе на каминной полке и совершенно завяли. Лепестки за ночь опали и лежали на полу, как укор нерадивой прислуге. Если Нэнси увидит – мне несдобровать, она ясно выразилась: если я буду плохо выполнять свои обязанности, мама тут же об этом узнает.

Помня инструкции мистера Гамильтона, я покрепче прижала к груди метелку и щетку и на цыпочках пробралась к камину, стараясь остаться незамеченной. Не стоило волноваться. Дети даже не обернулись – привыкли делить свое жилище с целой армией невидимок. Они и впрямь не видели меня, тогда как я лишь притворялась, будто не вижу их.

Две девочки и мальчик: младшей около десяти, старшему не больше семнадцати. Все типичной для Эшбери внешности: золотые волосы и синие, словно узоры веджвудского фарфора¹, глаза – наследство матери лорда Эшбери, датчанки, которая, по словам Нэнси, вышла замуж по любви и лишилась за это приданого (хотя посмеялась-то она последней, добавляла Нэнси, когда умер брат ее мужа и она сделалась леди Эшбери).

¹ *Веджвуд* – тип фарфора и фаянса компании «Веджвуд», основанной в 1759 г. Дж. Веджвудом. (Здесь и далее примеч. перев.)

Старшая девочка стояла посреди комнаты с пачкой бумаги в руке и в красках расписывала, как должны выглядеть прокаженные. Младшая сидела на полу, скрестив ноги, и, вытаращив глаза, слушала сестру; рука ее обвивала шею Реверли. Я удивилась и слегка испугалась, увидев, что пса вытащили из угла и приняли в компанию. Мальчик стоял коленями на диване и сквозь туман вглядывался в долину.

– А потом, Эммелин, ты оборачиваешься к зрителям, а лицо у тебя все в проказе! – радостно закончила высокая девочка.

– А что такое проказа?

– Кожная болезнь, – ответила старшая. – Пятна, слизь и все такое.

– Ханна, а давай у нее сгниет кончик носа, – предложил мальчик, оборачиваясь и подмигивая Эммелин.

– Здорово, – серьезно кивнула Ханна. – Давай.

– Нет! – взвыла Эммелин.

– Эммелин, ну что ты как младенец. Он же сгниет не по правде, – объяснила Ханна. – Сделаем тебе какую-нибудь маску попротивней. Я пойду в библиотеке книги по медицине. Там должны быть картинки.

– А почему именно у меня будет эта проказа? – заупрямилась Эммелин.

– Спроси Господа Бога, – пожалала плечами Ханна. – Это он придумал.

– Нет, почему я должна играть Мариам? Я хочу кого-нибудь другого.

– А других ролей нет. Дэвид будет Аароном, потому что он самый высокий, а я – Богом.

– А почему не я – Бог?

– Потому что ты хотела главную роль. Или нет?

– Хотела, – сказала Эммелин. – Хочу.

– Тогда в чем дело? Бог даже не появляется на сцене. Я буду говорить из-за занавеса.

– А если я буду Моисеем? – спросила Эммелин. – А Мариам пусть сыграет Реверли.

– Никаких Моисеев, – отрезала Ханна. – Нам нужна настоящая Мариам. Она гораздо важнее Моисея. Он появляется всего один раз, за него будет Реверли, а слова скажу я из-за занавеса. Или Моисея вообще уберем.

– А может, разыграем другую сцену? – с надеждой предложила Эммелин. – Про Марию и младенца Иисуса?

Ханна недовольно фыркнула.

Репетируют, поняла я. Альфред, лакей, говорил мне, что в одни из ближайших выходных состоится семейный концерт. По традиции в этот день кто-то поет, кто-то читает стихи, а дети ставят сценку из бабушкиной любимой книги.

– Мы выбрали эту, потому что она очень важная, – объяснила Ханна.

– Не мы, а ты выбрала, потому что она важная, – возразила Эммелин.

– Именно, – согласилась Ханна. – Она про отца, у которого двойные правила: для сыновей – одни, а для дочерей – другие.

– Что на редкость благоразумно, – добавил Дэвид.

Ханна не обратила на него внимания.

– Мариам и Аарон виновны в одном и том же грехе: осуждали женитьбу брата...

– И что они говорили? – заинтересовалась Эммелин.

– Не важно, они просто...

– Ругались?

– Нет, дело не в этом. Важно то, что Бог решил наказать Мариам проказой, а с Аароном просто поговорил. Как ты считаешь, Эммелин, разве это честно?

– А Моисей женился на африканке? – спросила Эммелин.

Ханна сердито тряхнула головой. Я уже успела заметить, что это ее привычный жест. Длиннорукая, длинноногая, она вся горела какой-то нервной энергией и очень легко срывалась. Эммелин, напротив, походила на ожившую куклу. И хотя черты их были похожи – носы с легкой горбинкой, ярко-голубые глаза, одинаковый рисунок рта, – на лице каждой из сестер они смотрелись совершенно по-разному. В то время как Ханна напоминала сказочную фею – порывистую, загадочную, нездешнюю, – красота Эммелин казалась более земной. И уже в то время ее манера складывать губы и слишком широко распахивать глаза напоминала мне фотографии красоток, которыми торговали в наших краях лоточники.

– Ну, женился или нет? – допытывалась Эммелин.

– Да, Эмми, – засмеялся Дэвид. – Моисей женился на эфиоплянке. А Ханна злится потому, что мы не разделяем ее взглядов на женскую независимость. Она у нас суфражистка.

– Ханна! Ну что он дразнится? Скажи ему, что ты не такая!

– Почему же? Конечно, я суфражистка. И ты тоже.

– А па не знает? – шепотом спросила Эммелин. – А то он страшно рассердится.

– Ерунда, – фыркнула Ханна. – Наш па – просто котенок.

– Никакой он не котенок, а настоящий лев, – дрожащими губами возразила Эммелин. – Пожалуйста, не зли его, Ханна.

– Не бойся, Эммелин, – сказал Дэвид. – Сейчас все женщины – суфражистки, это модно.

– А Фэнни никогда ничего такого не говорила, – недоверчиво произнесла Эммелин.

– Все девушки, которые хоть что-нибудь из себя представляют, в этом году на первый выезд в свет наденут не платье, а костюм, – продолжал Дэвид.

Эммелин вытаращила глаза.

Я слушала, притаившись за стеллажами и гадая, о чем это они. Я никогда раньше не слыхала слова «суфражистка», но догадывалась, что это, должно быть, такая болезнь, вроде той, что подхватила миссис Наммерсмит из нашей деревни, когда на пасхальном празднике она начала скидывать с себя одежду и мужу пришлось отвезти ее в Лондон, в больницу.

– Ты просто вредный, – сказала Дэвиду Ханна. – И так несправедливо, что па не отдает нас с Эммелин в школу, а тут еще и ты стараешься выставить нас дурочками при любой возможности.

– Да с вами и стараться не надо, – парировал сидевший на ящике с игрушками Дэвид и откинул упавшую на глаза прядь. У меня перехватило дыхание: такой он был красивый, золотоволосый, похожий на сестер. – В любом случае вы ничего не теряете. Нечего там делать, в этой школе.

– Да? – иронически подняла брови Ханна. – Обычно ты, наоборот, с удовольствием расписываешь мне все, чего я лишена. С чего это ты изменил свой взгляд?

Тут глаза ее широко раскрылись – две пронзительно-голубые луны, голос дрогнул.

– Только не говори, что натворил что-то ужасное и тебя выгнали!

– Разумеется, нет, – быстро ответил Дэвид. – Просто мне кажется, что учеба – не главное в жизни. Мой друг, Хантер, говорит, что настоящая жизнь – сама по себе лучшее образование...

– Хантер?

– Он поступил в Итон только в этом году. Его отец – какой-то ученый. Недавно открыл что-то очень важное, и ему пожаловали титул маркиза. Он чуть-чуть чокнутый, и сын такой же, во всяком случае, так говорят наши ребята, хотя по мне – Робби просто отличный парень.

– Ну хорошо, – сказала Ханна. – Пусть твой чокнутый Роберт Хантер презирает учебу, сколько ему угодно, но я – как я стану знаменитым драматургом, если па отказывается дать мне образование? – Она горько вздохнула. – Ну почему я не мальчик?

– А мне бы не понравилось в школе, – заявила Эммелин. – И я уж точно не хочу быть мальчиком. Никаких платьев, эти ужасные шляпы и разговоры только о спорте и политике.

– А мне интересно говорить о политике, – сказала Ханна. В пылу спора ее аккуратная прическа растрепалась, локоны выбивались со всех сторон. – Первым делом я бы заставила Герберта Асквита² дать женщинам право голоса. Даже молодым.

– Ты бы стала первым министром-драматургом Великобритании, – усмехнулся Дэвид.

– Да, – не стала спорить Ханна.

– Ты же хотела стать археологом, – напомнила Эммелин. – Как Гертруда Белл.

– Я могла бы быть и археологом, и политиком. На дворе двадцатый век. – Ханна нахмурилась. – Если бы только па согласился дать мне достойное образование.

– Ты же знаешь, что па думает о женском образовании, – сказал Дэвид.

– Прямая дорожка к тому, чтобы стать суфражисткой, – заученно отчеканила Эммелин. – Тем более он говорит, что мисс Принс учит нас всему, что нужно знать.

– Это только па так считает. Надеется, что она сделает из нас тоскливых женушек для тоскливых мужей – чуть-чуть пианино, чуть-чуть французского и умение вежливо поддаваться, играя в бридж. Конечно, так с нами гораздо меньше хлопот!

– Па говорит: никому не понравится женщина, которая слишком много думает, – сообщила Эммелин.

Дэвид закатил глаза:

– Как та канадка, что везла его домой с золотых приисков и всю дорогу болтала о политике. Она сослужила нам плохую службу.

– А я и не желаю нравиться, – упрямо выпятив подбородок, сказала Ханна. – И не стану думать о себе хуже, если кто-то там меня не любит.

– Тогда могу тебя обрадовать, – сообщил Дэвид. – Я совершенно точно знаю, что тебя не любят почти все наши друзья.

Ханна попыталась было снова нахмуриться, но не смогла сдержать непрошеной улыбки.

– Значит, так: я не собираюсь сегодня делать ее дурацкое задание. Надоело читать наизусть «Леди Шалот»³ и слушать, как мисс Принс сморкается в платок.

– Она оплакивает утерянную любовь, – вздохнула Эммелин.

Ханна вытаращила глаза.

– Это правда! – обиделась Эммелин. – Я слышала, как бабушка рассказывала леди Клем. Раньше, до того как она стала работать у нас, мисс Принс была помолвлена.

– Думаю, жених вовремя пришел в себя, – заметила Ханна.

– Он женился на ее сестре, – объяснила Эммелин.

Ханна осеклась – правда, ненадолго.

– Надо было подать на него в суд за нарушение обязательств.

– Леди Клем тоже так сказала – и даже хуже, а бабушка ответила, что мисс Принс не желала ему неприятностей.

– Ну и дура, – подытожила Ханна. – Тогда так ей и надо.

– Но ведь это так романтично, – хмыкнул Дэвид. – Несчастливая безответно влюблена, а тебе жалко почитать ей грустные стихи. До чего же ты жестокая, Ханна!

– Не жестокая, а реалистичная, – подняла подбородок Ханна. – А влюбленные вечно ничего не соображают и творят всякие глупости.

Дэвид улыбнулся – многозначительная улыбка старшего брата, который уверен, что совсем скоро сестра заговорит по-другому.

– Нет, серьезно, – упрямо продолжала Ханна. – Ты же знаешь, как я отношусь ко всей этой романтике. А мисс Принс стоило бы унять слезы и заинтересоваться чем-нибудь, да и нас

² Асквит Герберт Генри (1852–1928) – английский государственный деятель, один из лидеров либеральной партии, с 1908 по 1916 г. премьер-министр Великобритании.

³ «Леди Шалот» – поэма Альфреда Теннисона, повествующая о прекрасной даме, умирающей от неразделенной любви.

заинтересовать. Строительством пирамид, к примеру, или исчезновением Атлантиды, походами викингов...

Эммелин зевнула, а Дэвид поднял руки, показывая, что сдается.

– Ну ладно, – хмуро сказала Ханна, глядя на листы в руке. – Мы только зря теряем время. Начнем с того места, где Мариам поражает проказа.

– Мы это уже сто раз репетировали, – запротестовала Эммелин. – Давайте поиграем во что-нибудь!

– А во что?

– Не знаю, – растерянно пожала плечами Эммелин, переводя взгляд с Дэвида на Ханну. – Может, в Игру?

Нет, не в Игру, а в игру. Тогда еще она была для меня просто игрой. Эммелин могла иметь в виду шарики или прятки. Только некоторое время спустя их игра стала Игрой с большой буквы, дорогой к приключениям, фантазиям и тайнам. А тем хмурым, сырым утром, когда дождь уныло барабанил в окна детской, я почти не обратила внимания на слова Эммелин.

Скрючившись за спинкой кресла и сметая разлетевшиеся по полу сухие лепестки, я пыталась представить себе, каково это – иметь братьев и сестер. Мне всегда хотелось кого-нибудь. Я даже раз спросила у мамы, не могла бы она завести мне сестренку, чтоб было с кем сплетничать и шептаться, фантазировать и мечтать. Мне жилось так одиноко, что я с удовольствием представляла себе даже наши ссоры. Мама как-то грустно рассмеялась и сказала, что ни к чему повторять одну ошибку дважды.

Как это – гадала я – ощущать себя чьей-то, глядеть на мир, зная, что ты часть племени, чувствуя за спиной союзников? Погрузившись в свои мысли, я рассеянно водила щеткой по спинке кресла, как вдруг она за что-то зацепилась, на пол свалилось одеяло, и я услышала хриплый вскрик:

– Что случилось? Ханна! Дэвид!

Старушка, древняя, как само время, дремала в кресле, завернувшись в плед так, что до сих пор ее не было ни видно ни слышно. Должно быть, няня Браун, сообразила я. О ней говорили тихо и благоговейно как наверху, так и под лестницей, она вырастила самого лорда Эшбери и считалась такой же принадлежностью семьи, как и дом.

С щеткой в руке я застыла за спинкой кресла под взглядами трех пар голубых глаз.

– Что стряслось, Ханна? – снова спросила старушка.

– Ничего, няня Браун, – обретя дар речи, ответила Ханна. – Мы репетировали. Будем потише.

– Смотрите, чтобы Реверли не слишком распрыгался здесь, взаперти, – велела няня.

– Нет-нет, он ведет себя замечательно, – сказала Ханна, очень отзывчивая, несмотря на вспыльчивость. Она шагнула к няне и снова укрыла одеялом ее высохшее тело. – Отдыхай, милая, у нас все хорошо.

– Ну если только совсем чуть-чуть, – сонно согласилась няня. Ее глаза закрылись, и через минуту она уже мирно похрапывала.

Я затаила дыхание, ожидая, когда кто-нибудь из детей заговорит. Они все смотрели на меня широко раскрытыми глазами. Я уже представила, как меня волокут к Нэнси или даже к самому мистеру Гамильтону, а те требуют объяснить, как это я осмелилась вытереть пыль с няни, и недовольное лицо мамы, когда меня вернут домой, даже не дав рекомендаций...

Но никто не ругал меня, не бранил, даже не хмурился. Случилось то, чего я совершенно не ожидала. Будто по команде они расхохотались: свободно, безудержно, рушась друг на друга и сплетаясь в клубок.

Я молча стояла, ожидая сама не знаю чего, смех напугал меня гораздо больше, чем молчание. Губы предательски задрожали.

Наконец старшая девочка вытерла глаза и смогла выговорить:

– Я – Ханна. Мы с тобой раньше не встречались?

Я торопливо сделала книксен и выдохнула:

– Нет, миледи. Меня зовут Грейс.

– Никакая она не миледи, – рассмеялась Эммелин. – Она просто мисс.

Я снова присела, стараясь не поднимать глаз.

– Меня зовут Грейс, мисс.

– А выглядишь как-то знакомо, – сказала Ханна. – Ты точно не работала здесь на Пасху?

– Нет, мисс. Я новенькая. Меня взяли месяц назад.

– Ты слишком маленькая для горничной, – заметила Эммелин.

– Мне четырнадцать, мисс.

– Опа! – воскликнула Ханна. – Мне тоже! Эммелин – десять, а Дэвид у нас старичок – ему шестнадцать.

– А ты всегда протираешь тех, кто уснет в кресле, Грейс? – спросил в свою очередь Дэвид. Эммелин снова захохотала.

– Нет-нет, сэр. Только сегодня, сэр.

– Жалко. А то можно было бы никогда не мыться.

От смущения у меня вспыхнули щеки. Никогда раньше я не встречала настоящего джентльмена, да еще почти моего ровесника. От его последних слов сердце у меня в груди заколотилось, как птица в клетке. Странно. Даже и сейчас, когда я вспоминаю Дэвида, я чувствую что-то вроде того давнего волнения. Выходит, я еще не совсем умерла.

– Не обращай внимания, – посоветовала Ханна. – Дэвид считает себя жутким остряком.

– Да, мисс.

Ханна смотрела на меня с интересом, словно собираясь спросить что-то еще. Но прежде чем она открыла рот, мы услышали звук шагов – сперва по лестнице, а потом и по коридору. Ближе, ближе... Цок, цок, цок...

Эммелин подскочила к двери и поглядела в замочную скважину.

– Это мисс Принс, – обернувшись к Ханне, шепнула она. – Идет сюда.

– Скорей! – прошипела Ханна. – А то погибнем страшной смертью в неравной борьбе с Теннисоном.

Застучали ботинки, взметнулись юбки, и, прежде чем я успела хоть что-нибудь сообразить, все трое испарились. Дверь распахнулась, в комнату ворвался холодный, сырой воздух. В дверном проеме выросла прямая, как палка, фигура.

Мисс Принс оглядела комнату и заметила меня.

– Ты! – сказала она. – Ты не видела детей? Они опаздывают на урок. Я уже десять минут жду их в библиотеке.

Я не привыкла обманывать и до сих пор не знаю, что со мной случилось, и все же в тот момент, глядя прямо на учительницу, я, не моргнув глазом, соврала:

– Нет, мисс Принс. Не видела.

– Точно?

– Да, мисс.

Она пристально изучила меня через очки.

– Но я ведь ясно слышала тут голоса.

– Только мой, мисс. Я пела.

– Пела?

– Да, мисс.

В детской воцарилось молчание, которому, казалось, не будет конца. Потом мисс Принс похлопала указкой по раскрытой ладони и шагнула внутрь. Двинулась по периметру комнаты – цок, цок, цок...

Когда она подошла к кукольному домику, я заметила, что из-за него высовывается ленточка Эммелин.

– Я... я вспомнила, мисс. Я видела их из окна. Они были в старом лодочном сарае, на берегу.

– На берегу, – повторила мисс Принс. Она подошла к окну и попыталась взглянуть в туман, бросивший на ее лицо белый призрачный отсвет. – «Осина тонкая дрожит, и ветер волны сторожит...»

Тогда я еще не читала Теннисона и решила, что мисс Принс просто описывает озеро.

– Да, мисс, – согласилась я.

Постояв еще мгновение, она обернулась:

– Я пошлю за ними садовника. Как там его...

– Дадли, мисс.

– Значит, пошлю Дадли. Не будем забывать, что точность – вежливость королей.

– Да, мисс, – приседая, подтвердила я.

Учительница процокала мимо меня и, выйдя, плотно притворила дверь.

Дети возникли передо мной будто по мановению волшебной палочки – из-за занавески, кукольного домика, старой тряпки.

Ханна улыбнулась мне, но я не ответила. Пыталась понять, что я только что сделала. Зачем я это сделала.

Растерянная, подавленная, смущенная, я торопливо присела и выбежала из детской в коридор. Щеки мои горели, я спешила вновь оказаться на привычной кухне, подальше от этих странных взрослых детей и тех непонятных чувств, которые они во мне вызывали.

В ожидании концерта

Сбегая вниз по ступеням в дымную кухню, я услышала, как Нэнси выкликает мое имя. Я чуть-чуть постояла на нижней площадке, выжидая, пока глаза привыкнут к полутьме, и торопливо вошла. На огромной плите посвистывал медный чайник, от варившегося рядом окорока поднимался солоноватый пар. Посудомойка Кэти, бездумно глядя в запотевшее окно, скребла в раковине кастрюли. Миссис Таунсенд не было – скорее всего, прилегла отдохнуть, пока не пришло время готовить чай. Нэнси сидела в столовой для слуг в окружении ваз, канделябров, кубков и огромных блюд.

– Наконец-то, – нахмурилась она так, что глаза превратились в черные щелочки. – Я уж думала, придется тебя разыскивать. – Нэнси указала на соседний стул. – Не стой как истукан. Бери тряпку да помогай.

Я уселась рядом с ней и выбрала широкий круглый молочник, с прошлого года не видевший дневного света. Оттирая с него пятна, я пыталась представить, что творится сейчас в детской. Как там смеются, играют, поддразнивают друг друга. Мне будто приоткрылась чудная книга с волшебными картинками, но, не успела я зачитаться, пришлось со вздохом отложить ее в сторону. Понимаешь? Уже тогда я почти что влюбилась в младших Хартфордов.

– Ты что! – воскликнула Нэнси, отбирая у меня тряпку. – Это же столовое серебро его светлости! Повезло тебе, что мистер Гамильтон не видит, как ты его царапаешь.

Она приподняла повыше вазу, которую чистила сама, и начала тереть ее размеренными круговыми движениями.

– Вот так. Видишь? Аккуратно. В одну сторону.

Я кивнула и вновь принялась за свой молочник. В голове роились вопросы о Хартфордах, вопросы, на которые – я была уверена – Нэнси знает ответ. И все-таки я не решалась их задать. С нее бы стало бы перевести меня работать подальше от детской, если б она почуяла, что я получаю от своих обязанностей недолжное удовольствие.

Но как влюбленному даже самые простые вещи кажутся исполненными великого смысла, так и мне хотелось узнать о Хартфордах хоть что-нибудь. Я вспомнила о запрятанных в комоды книгах, о Шерлоке Холмсе, который заставлял людей давать самые неожиданные ответы при помощи искусных вопросов. Глубоко вздохнув, я позвала:

– Нэнси...

– Мм?

– А как выглядит сын лорда Эшбери?

Черные глаза потеплели.

– Майор Джонатан? Он очень красивый...

– Нет, майора Джонатана я видела.

Не заметить майора Джонатана, живя в Ривертоне, было трудновато. Портрет старшего сына лорда Эшбери, наследника, закончившего сперва Итон, а затем и военную академию Сандхерст, висел рядом с портретом отца (в ряду целой галереи отцов предыдущих поколений) на верхней площадке парадной лестницы, сурово глядя в вестибюль: голова гордо поднята, медали сверкают, голубые глаза холодны как лед. Гордость Ривертонна – как наверху, так и под лестницей. Герой Англо-бурской войны. Будущий лорд Эшбери.

Нет, я имела в виду Фредерика, того, кого в детской, со страхом ли, с восхищением, называли «па». Младшего сына лорда Эшбери, имя которого заставляло гостей леди Вайолет улыбаться и покачивать головой, а его светлость бормотать что-то неразборчивое в стакан с хересом.

Нэнси открыла рот и тут же захлопнула его, как рыба, выброшенная штормом на берег.

– Не хочешь вранья – не задавай вопросов, – в конце концов ответила она, поднимая вазу повыше к свету и придирчиво ее оглядывая.

Я дочистила молочник и взяла блюдо. Вот такая она – Нэнси. Переменчивая. То открытая до невозможности, то скрытная ни с того ни с сего.

Не успели часы на стене протикать пять минут, как она сама нарушила молчание:

– Небось, кого-нибудь из лакеев подслушала?

Я только покачала головой, боясь сказать что-нибудь не то и тем самым снова прервать разговор.

– Альфреда, готова спорить. Никогда язык на привязи не держит!

Нэнси принялась за очередную вазу. Подозрительно оглядела меня.

– Тебе что, мать никогда о семье не рассказывала?

Я снова покачала головой, и Нэнси испытующе приподняла бровь, словно не веря, что люди могут говорить о чем-то еще, кроме жизни в Ривертоне.

А мама и в самом деле больше молчала. Когда я была маленькой, я приставала к ней с просьбами рассказать хоть что-нибудь. По деревне ходили многочисленные истории про дом на холме, и мне очень хотелось похвастаться перед другими детьми, что я тоже кое-что знаю. Но мама лишь качала головой и напоминала мне, что от любопытства кошка сдохла.

Наконец Нэнси смилостивилась.

– Мистер Фредерик... Ну что тебе сказать о мистере Фредерике... – Она вздохнула, натирая вазу. – Он неплохой человек. Совсем не похож на брата, конечно, вовсе не герой, но по своему очень даже хороший. Честно говоря, здесь, под лестницей, все его очень любят. Он был очень славным парнишкой – фантазером, выдумщиком. И к слугам всегда очень добр.

– А правда, что он добывал золото?

Какая необыкновенная профессия! Детям Хартфордов повезло с отцом. Мне хвалиться было нечем – мой собственный родитель испарился еще до моего появления на свет и время от времени возникал лишь в горячем шепоте между мамой и ее сестрой.

– Было дело, – ответила Нэнси. – Чем он только не занимался – я всего и не упомяну. Никогда не оседет на одном месте наш мистер Фредерик. Никогда не угомонится под стать остальной семье. Сначала выращивал чай на Цейлоне, потом добывал золото в Канаде. Потом решил газеты печатать. А теперь, спаси господи, эти автомобили.

– Он торгует автомобилями?

– Не торгует, а делает. Ну не сам, конечно, а рабочих нанял. Купил завод около Брэйнтри.

– Он там живет? Вместе с семьей? – спросила я, аккуратно поворачивая разговор к интересующей меня теме – детям.

Нэнси на приманку не клюнула, погруженная в собственные мысли.

– Хоть бы тут ему повезло. Бог знает, как его сиятельство был бы рад вернуть хоть часть вложений.

Я заморгала, ничего не поняв, но спросить не успела – Нэнси продолжала:

– Да ты и сама его очень скоро увидишь. Он приезжает в следующий четверг вместе с майором Джонатаном и леди Джемаймой. – На лице Нэнси мелькнула редкая улыбка – знак скорее одобрения, чем удовольствия. – На августовский день отдыха⁴ каждый год вся семья собирается. Никому и в голову не приходит пропустить традиционный обед. Так в наших краях давно принято.

– И концерт, – добавила я, стараясь не глядеть на Нэнси.

– Значит, – вздернула она брови, – кто-то уже наболтал тебе про концерт, да?

Я сделала вид, что не замечаю ее раздражения.

– Альфред. Он просто сказал, что слуг тоже приглашают посмотреть.

⁴ Последний понедельник августа; официальный выходной день; с 1981 г. называется летним днем отдыха.

– Лакеи! – презрительно качнула головой Нэнси. – Никогда не слушай лакея, милочка, если хочешь узнать что-нибудь толком. Слугам разрешают посмотреть концерт, все по доброте нашего хозяина. Он знает, как много значит для нас его семья, как мы рады поглядеть на молодых.

Она пристально осмотрела свою вазу, и я затаила дыхание, надеясь, что разговор на этом не закончится. Через минуту, показавшуюся мне вечностью, Нэнси заговорила снова:

– Уже четвертый год представления устраивают. С тех пор, как мисс Ханне стукнуло десять и она вбила себе в голову, что станет директором театра. – Нэнси кивнула. – Характерец еще тот у нашей мисс Ханна. Они с отцом как две капли воды.

– Как это? – спросила я.

Нэнси помолчала, обдумывая ответ.

– Неугомонные они, вот что, – произнесла она наконец. – Оба вечно носятся с какими-то идеями, одна другой непонятнее.

Нэнси говорила не спеша, размеренно, будто подчеркивая, что так вести себя позволительно тем, кто наверху, а вот таким, как я, этого никто никогда не разрешит. Мама говорила со мной точно так же. Я глубокомысленно кивнула.

– Большую часть времени они отлично ладят, но если поссорятся, тут уж держись. Никто не может вывести мистера Фредерика из себя так, как мисс Ханна. Еще совсем малышкой была, а уже знала, как отца разозлить. До того норовистая! Однажды обиделась на него, уж не помню за что, и решила напугать.

– И что?

– Сейчас, как же это было-то... мастер⁵ Дэвид тогда учился ездить верхом. Мисс Ханна рассердилась, что ее не взяли, подхватила мисс Эммелин, да и дала деру от няни Браун. Убежали они аж на край имения, туда, где в тот день яблоки собирали. – Нэнси покачала головой. – Ну и мисс Ханна уговорила мисс Эммелин спрятаться в амбаре – она, когда захочет, любого уговорит, а мисс Эммелин и рада была яблочек поесть. А мисс Ханна понеслась домой изо всех сил, бежит, будто за ней гонятся, и мистера Фредерика зовет. Я накрывала к обеду в столовой и слышу, как мисс Ханна отцу говорит, что к ним в саду подошли двое каких-то черномазых незнакомцев. Повосхищались, какая мисс Эммелин красивая, и позвали ее с собой – путешествовать в дальние страны. Она не уверена, сказала мисс Ханна, но ей кажется, это какие-то работорговцы.

– И чем же дело кончилось? – воскликнула я, потрясенная дерзостью Ханна.

Важничая оттого, что знает столько секретов, Нэнси ответила:

– Мистер Фредерик всегда побаивался рассказов о работорговцах. Он сперва побелел, потом покраснел и, не успели мы оглянуться, схватил мисс Ханну за руку и помчался в сторону сада. Берти Тимминс – он там яблоки собирал – видит: несется мистер Фредерик со всех ног и на бегу приказывает выкрикивает: мол, надо поднимать народ, искать мисс Эммелин, ее двое темнокожих незнакомцев похитили. Стали искать – и там и тут, все кругом перевернули, но никто не видел двух мужчин с золотоволосой девочкой.

– А когда же ее нашли?

– А ее и не нашли. Мисс Эммелин сама вылезла. Через час или около того надоело ей прятаться в яблоках, она и вышла из амбара посмотреть, что за шум кругом, и узнать, почему мисс Ханна за ней не идет.

– Мистер Фредерик здорово рассердился?

– А то как же! – подтвердила Нэнси. – Только ненадолго – не умеет он на мисс Ханну долго сердиться. Они же два сапога пара, ей надо очень постараться, чтобы он всерьез на нее

⁵ Слово «мастер» (можно перевести как «господин») ставится перед именем или перед фамилией старшего сына.

обиделся. – Она положила тряпку на стол, покрутила головой, потерла шею. – Многие говорят, что мистер Фредерик получает по заслугам.

– Почему? Что он натворил?

Нэнси глянула в сторону кухни, чтобы удостовериться, что нас не слышит Кэти. Под лестницей большого дома на холме, как и в других имениях того времени, царила строгая, отточенная столетиями иерархия. Хотя я и была горничной для самых простых поручений – мишенью для выговоров и нагоняев, положение судомойки все равно было гораздо ниже. Хотелось бы сказать, что меня возмущало это бессмысленное неравенство, что я хотя бы не приветствовала, если уж не осуждала его. Но на самом деле в то время я скорее радовалась крохотным преимуществам, позволявшим мне слушать сплетни Нэнси, – надо мной и так стояло бог знает сколько народу.

– Давал он родителям жару, когда сам был помладше, наш мистер Фредерик, – тихо, почти не разжимая губ, объяснила Нэнси. – Такой сорванец был, что лорд Эшбери послал его учиться не в Итон, а в Рэдли, чтобы он репутацию брату не испортил. И в Сандхерст потом не пустил, хотя тот и собирался на флот.

Я жадно слушала, а Нэнси продолжала:

– И понятно – ведь майор Джонатан так здорово отличился на службе. А доброе имя слишком легко запятнать. Нет, рисковать не стоило. – Нэнси кончила массировать шею и взяла со стола потускневшую солонку. – Ну, все хорошо, что хорошо кончается. У мистера Фредерика теперь и автомобили, и детей трое. Сама на представлении увидишь.

– А дети майора Джонатана будут играть в спектакле?

Внезапно Нэнси помрачнела и буркнула:

– Ты хоть думаешь, когда говоришь?

Я поняла, что ляпнула что-то не то. Грозный взгляд Нэнси заставил меня опустить глаза, и в натертом до зеркального блеска блюде я увидела свои покрасневшие щеки.

– У майора нет детей, – прошипела Нэнси. – Больше нет.

Она вырвала у меня тряпку, царапнув мою руку длинными тонкими пальцами.

– Хватит болтать. Совсем голову мне заморочила.

К новой жизни привыкать всегда непросто, а тут еще все кругом словно сговорились считать, что я с рождения должна знать про Ривертон все до мельчайших подробностей – и про дом, и про семью. Я догадывалась: дело в том, что мама работала тут до моего рождения. Мистер Гамильтон, миссис Таунсенд и Нэнси с чего-то решили, что она полностью просветила меня и насчет Ривертон, и насчет Хартфордов, и вечно ставили меня в неловкое положение, если оказывалось, что я о чем-нибудь и не слыхивала. Особенно Нэнси – если у нее не было настроения что-то разъяснять, она презрительно фыркала: я наверняка знаю, как ее сиятельство любит, когда окна приоткрыты на два дюйма в любую погоду, так что я то ли страшно рассеянная, то ли жутко бестолковая.

Точно так же Нэнси решила, что я в курсе, какая беда стряслась с детьми майора Джонатана, и ничто не смогло бы ее переубедить. Поэтому следующие две недели я старалась избежать ее настолько, насколько вообще можно избежать того, с кем живешь и работаешь.

По вечерам, когда Нэнси укладывалась в кровать, я лежала очень тихо, притворяясь спящей. К моему облегчению, она задувала свечу, и картина с умирающим оленем исчезала во мраке. Днем, когда мы сталкивались в кухне, Нэнси как можно выше задирала нос, я же, напротив, смиренно опускала глаза.

К счастью, у нас было полно работы – мы готовились к приезду взрослых гостей лорда Эшбери. Отперли и проветрили гостевые комнаты в восточном крыле, сменили посеревшие простыни, протерли мебель. На чердаках обнаружили невообразимых размеров сундуки с постельным бельем, которое надо было достать, перештопать и выстирать в огромных медных котлах. Зарядили дожди, во дворе за домом сушить было нельзя, и мы развешивали белье в

зимней сушильне – высоко на чердаке, возле спален служанок, где по стене шла теплая труба от кухонной печи.

Именно там я вновь услышала про Игру. Обрадованная дождями, мисс Принс вознамерилась всерьез взяться за Теннисона, и младшие Хартфорды исследовали дом в поисках надежных укрытий, забираясь с каждым разом все глубже и глубже. Сушильня, спрятанная между трубой и бойлерным котлом, находилась дальше всего от библиотеки, выполнявшей роль классной комнаты. Тут они и обосновались.

Впрочем, я ни разу не видела их играющими. Таково было правило номер один: Игра – это секрет. Зато я подслушивала и подглядывала, а пару раз даже заглянула тайком в шкапулку. И вот что узнала.

Дети играли в Игру уже много лет. Нет, играли – не то слово. Жили. Они жили Игрой уже много лет. Потому что это была не просто забава, а затейливая выдумка, иной мир, в который им нравилось ускользать.

Для этого не требовалось ни мечей, ни костюмов, ни шлемов с перьями. Никаких атрибутов обычной игры. Потому что секрет. Главное – шкапулка. Черная лакированная шкапулка, привезенная из Китая кем-то из предков, один из трофеев тех времен – времен великих открытий и беззастенчивых грабежей. Величиной с обычную шляпную коробку, не слишком большая, не слишком маленькая, на крышке инкрустация из полудрагоценных камней: мостик через реку, над водой – плакучие ивы, на одном из берегов – небольшой замок. На мосту стоят три человека, над ними кружит одинокая птица.

Дети ревностно охраняли шкапулку, набитую всем, что требовалось для Игры. Ведь, несмотря на постоянную беготню, прятки и сражения, главное удовольствие Игры заключалось в другом. Правило номер два: все приключения, находки и открытия требовалось тщательно сохранить. Дрожа от азарта, дети врывались на чердак и зарисовывали, записывали каждую деталь очередного путешествия: на свет появлялись карты, диаграммы, шифры, наброски, пьесы и книги.

Книги из сшитых нитками крошечных листков, исписанных такими мелкими буквами, что приходилось подносить их очень близко к глазам. На обложках красовались названия: «Спасение от Кощея Бессмертного», «Сражение с демоном Баламом и его медведем», «Путешествие в страну работорговцев». Некоторые были написаны шифром, который я не смогла разобрать, хотя догадывалась, что, будь у меня время, я нашла бы ключ где-нибудь среди страниц этой же книги.

В самой Игре ничего сложного не было. Ее придумали Ханна и Дэвид, и они же, как старшие, отвели себе роль главных игроков и придумщиков. Они решали, куда отправиться в путешествие, они изобрели Совет девяти – странную организацию, состоящую из видных деятелей Викторианской эпохи вперемежку с фараонами Древнего Египта. Советников всегда было девять, и, когда очередная игра требовала нового интересного героя, кто-нибудь из старых персонажей погибал или смещался с должности (смерть всегда наступала при исполнении служебных обязанностей, о чем тут же сообщалось в крохотной газете, хранившейся между страницами книги).

Кроме того, каждый из играющих изображал какого-нибудь героя. Ханна стала Нефертити, а Дэвид – Чарльзом Дарвином. Эммелин, которой было всего четыре, когда придумывались правила, выбрала себе королеву Викторию. Скучный и малоподходящий для приключений персонаж, на который старшие согласились только из снисхождения к возрасту сестры. В Игре Викторию чаще всего похищали злодеи, которых требовалось срочно догнать и обезвредить. Потом Дэвид и Ханна описывали события, а Эммелин дозволялось украшать диаграммы и раскрашивать карты: синим – океаны, бордовым – пропасти, зеленым и желтым – равнины.

Иногда Дэвид пропадал – то садился за пианино, то, если дождь ненадолго стихал, убежал играть в шарики с мальчишками. В такие дни Ханна приближала к себе Эммелин. Разжившись у миссис Таунсенд кусковым сахаром, парочка забиралась в платяной шкаф и придумывала для подлого изменника странные клички на неведомых языках. Однако, как бы ни было скучно, девочкам и в голову не приходило поиграть в Игру без брата.

Правило номер три: в Игру играют трое. Ни больше ни меньше. Три. Число, любимое как искусством, так и наукой: основные цвета, точки, необходимые для установления местонахождения предмета в пространстве, ноты музыкального аккорда, законы термодинамики. Три вершины треугольника, простейшей геометрической фигуры. Непреложный факт – две прямые не замыкают пространства. Вершины, напротив, могут двигаться, менять положение, отдаляться друг от друга на невообразимое расстояние и все равно будут образовывать треугольник. Устойчивый, замкнутый, прочный.

Правила я знала, потому что прочитала их. Написанные детским почерком на желтоватой бумаге, они были приклеены на обратную сторону крышки. И навеки остались в моей памяти.

Под ними шли подписи:

3 апреля 1908 года
Дэвид Хартфорд
Ханна Хартфорд —

и, в самом низу, две крупные, кривые буквы:

Э. Х.

Правила Игры – штука серьезная, требует к себе почтения, и взрослым ее не понять. Разве что слугам, которые знают о почтении все.

Вот так. Ничего особенного – просто детская игра. Даже не единственная, были и другие. В какой-то момент дети забыли ее, забросили, переросли. Или им так показалось. Когда я впервые увидела Хартфордов, Игра уже доживала свой век. Совсем близко, прямо за углом, маячила взрослая жизнь, подстерегали настоящие приключения и погони.

Просто детская игра, и все же... Интересно, если бы не она, могло бы все кончиться совсем по-другому? Впрочем, не станем забегать слишком далеко вперед – в темные и мрачные времена. Вернемся к празднику: Ривертон, год тысяча девятьсот четырнадцатый, ежегодный сбор гостей. Последний перед тем, как наша жизнь изменилась навсегда.

Долгожданный день наконец наступил, и мне разрешили посмотреть на приезд гостей с галереи второго этажа – конечно, при условии, что я вовремя сделаю всю работу. На улице стемнело, я притаилась за перилами, выглядывая между двумя столбиками и вслушиваясь в хруст гравия под колесами машин.

Первыми прибыли леди Клементина де Уэлтон, старинная приятельница семьи, дама с манерами и высокомерием королевы, и ее подопечная – мисс Фрэнсис Доукинс (больше известная как Фэнни): тощая болтливая девица, чьи родители погибли на «Титанике»; в свои семнадцать Фэнни, по слухам, находилась в отчаянных поисках мужа. Нэнси шепнула мне, что леди Клементина спит и видит, как бы выдать Фэнни за овдовевшего мистера Фредерика, притом последний об этих планах понятия не имеет.

Мистер Гамильтон проводил дам в гостиную к лорду и леди Эшбери и торжественно объявил об их прибытии. Я следила, как они входят – леди Клементина впереди, Фэнни за ней – словно пузатый бокал для бренди и узкий фужер с шампанским на подносе у лакея.

Мистер Гамильтон вернулся к парадному входу, где уже появились майор с женой, и сдержанно-привычным жестом одернул обшлага. На добром лице жены – небольшой, пухленькой русоволосой женщины – застыла печать глубокого горя. Конечно, так уверенно я говорю об этом сейчас, через много лет, однако даже тогда я поняла, что она пережила какое-то несча-

стве. Хоть Нэнси и не раскрыла мне, что случилось с детьми майора, мое юное воображение, вскормленное готическими романами, разыгралось вовсю. Кроме того, я еще плохо разбиралась в нюансах отношений между полами и решила, что только трагедией можно объяснить, почему такой красивый высокий мужчина женат на такой неинтересной женщине. Давным-давно, решила я, она наверняка была хорошенькой, но потом на них свалилось какое-то страшное горе и унесло ее молодость и красоту.

Майор Джонатан, держась еще строже, чем на портрете, привычно осведомился о здоровье мистера Гамильтона, окинул вестибюль собственническим взглядом и повел Джемайму в гостиную. Когда они входили в двери, я вдруг заметила, что рука майора легла жене на талию, даже чуть ниже, – жест, которого трудно было ожидать от столь сурового человека и который я до сих пор не забыла.

У меня уже затекли ноги, когда я наконец услышала, как на дорожке перед домом затормозила машина мистера Фредерика. Мистер Гамильтон с укоризной взглянул на настенные часы и отворил входную дверь.

Мистер Фредерик оказался ниже, чем я его себе представляла, и уж точно ниже брата. Лица было не разглядеть, одни очки сверкнули. Даже когда он снял шляпу, головы все равно не поднял, только пригладил рукой светлые волосы. Лишь когда мистер Гамильтон объявил о его прибытии, взгляд мистера Фредерика скользнул по дому детства – мраморным стенам, портретам, – пока не наткнулся на балкон, где, скрючившись, сидела я. И за секунду до того, как гость исчез в шумной гостиной, лицо его побледнело, будто он увидел привидение.

Неделя пронеслась незаметно. При таком количестве народу в доме я с ног сбивалась, убирая комнаты, накрывая на стол, подавая чай. Но мне даже нравилось – мама всегда учила не бояться тяжелой работы. Кроме того, я не могла дожидаться праздника. Остальные слуги предвкушали обед, а я думала только о концерте. С тех пор как съехались взрослые гости, я почти не видела детей. Туман рассеялся так же внезапно, как лег, и над нами раскинулось такое ясное, чистое небо, что грех было сидеть дома. Каждый день, подходя к детской, я затаив дыхание, с надеждой прислушивалась, но хорошая погода установилась надолго, и тем летом там никто больше так и не появился. Шум, хохот и Игра переселились в сад.

И волшебство с ними. Тишина стала пустотой, исчезла та маленькая тайна, которой я когда-то наслаждалась. Теперь я работала быстро – протирала полки, не обращая внимания на корешки книг, не глядела в глаза игрушечному коню, а думала лишь о том, что сейчас делают хозяева детской. А закончив уборку, спешила дальше – дел было много. Иногда, выкатывая столик для завтрака или убирая ночной горшок из гостевой спальни на втором этаже, я слышала вдали взрывы смеха, подскакивала к окну и смотрела, как дети, фехтуя на бегу длинными палками, несутся к озеру и пропадают из виду.

Под лестницей развернулась бурная деятельность. Мистер Гамильтон постоянно повторял, что время приема гостей – экзамен для прислуги, а уж тем более для дворецкого. Ни одно распоряжение не должно застать нас врасплох, надо работать как единый, отлично смазанный механизм, мгновенно реагируя на любое изменение, исполняя каждое пожелание хозяев. Это была неделя маленьких побед, кульминацией которой станет праздничное угощение.

Рвение мистера Гамильтона оказалось заразительным – даже Нэнси испытала что-то вроде подъема и мрачновато предложила мне перемирие, приказав помогать ей в гостиной. Уборка парадных комнат пока еще не входит в мои обязанности – не преминула заметить она, – но под должным руководством и ради приема гостей... Так и случилось, что к моей основной работе добавилась эта сомнительная привилегия, и каждое утро я сопровождала Нэнси в гостиную, где взрослые члены семьи прихлебывали чай и вели скучные разговоры о воскресных пикниках, европейской политике и каком-то бедняге из Австрии, убитом где-то далеко-далеко, в неведомой мне стране.

Праздничный день (воскресенье, второе августа тысяча девятьсот четырнадцатого года – я запомнила дату не столько из-за концерта, сколько из-за того, что случилось потом) совпал с моим выходным, первым с начала службы в Ривертоне. Покончив с утренней работой, я переоделась в домашнюю одежду, странно жесткую и непривычную. Расчесала волосы, выцветшие и завившиеся оттого, что я все время заплетала косы, собрала их в низкий пучок на затылке. Интересно, я изменилась? Что скажет мама? Мы не виделись всего пять недель, а мне кажется – я стала совсем другой.

Я спустилась по лестнице и тут же налетела на миссис Таунсенд, которая сунула мне в руку какой-то сверток.

– На-ка, возьми. Маме, к чаю, – негромко сказала она. – Кусок моей лимонной коврижки и пара ломтиков бисквита.

Я даже испугалась – что это с ней? Обычно миссис Таунсенд гордилась экономным ведением хозяйства не меньше, чем своим пышным суфле.

Кинув опасливый взгляд в сторону лестницы, я шепотом спросила:

– А вдруг хозяйка...

– Не твоя забота. Хватит и ей, и леди Клементине, голодными не останутся. – Она отряхнула фартук и гордо расправила плечи, так что и без того необъятная грудь стала еще шире. – Пусть мама знает – мы тут за тобой приглядываем. – Миссис Таунсенд покачала головой. – Хорошая она была девочка, мама твоя. Что ж делать, с каждой может случиться...

Она повернулась и исчезла в кухне так же внезапно, как и появилась, оставив меня в полутемном вестибюле размышлять над ее последними словами.

Я крутила их в голове то так, то этак всю дорогу до дома. Другие слуги тоже хвалили маму, чем вечно меня озадачивали. Иногда я даже казалась себе какой-то черствой. Правда, они совсем не вспоминали о чувстве юмора, без которого я маму просто не представляла. И о ее молчаливости и частой смене настроений.

Мама уже ждала, сидя на крыльчке. При виде меня она поднялась.

– Я уж думала, ты меня забыла.

– Прости, с работой завозилась.

– Надеюсь, на церковь тебе хватило времени?

– Да, мам. Мы все ходим на службу в церковь Ривертонна.

– Знаю, моя девочка. Я ходила туда задолго до того, как ты родилась. Что это? – спросила она, кивая на мои руки.

Я отдала ей сверток.

– От миссис Таунсенд. Она справлялась о тебе.

Мама заглянула внутрь и прикусила губу.

– Боюсь, не избежать мне сегодня изжоги.

Снова завернула пироги и сухо сказала:

– Что ж, очень мило с ее стороны.

Потом подвинулась и распахнула передо мной дверь.

– Заходи. Поможешь мне вскипятить чай и расскажешь свои новости.

Я почти не помню, о чем мы разговаривали, собеседница в тот день из меня вышла плохая. Мысли бродили не здесь, в маленькой унылой маминой кухне, а в зале дома на холме, где не так давно мы с Нэнси расставляли стулья и завешивали сцену золотистым занавесом.

Помогая маме по дому, я не забывала поглядывать на настенные часы. Их неумолимые стрелки отсчитывали минуту за минутой, приближаясь к пяти – часу концерта.

Когда мы прощались, я уже опаздывала. В ворота Ривертонна я вбежала на закате и поспешила к дому по узкой извилистой дорожке. По обе стороны росли величественные деревья – наследство предков лорда Эшбери; пышные кроны смыкались на невероятной высоте, длин-

ные ветви сплетались так, что вся тропинка превращалась в полутемный, шелестящий тоннель. В этом тоннеле, словно по волшебству, из головы вылетали посторонние мысли, и когда за последним поворотом на холме вырос дом, он каждый раз поражал заново. Как же талантлив был архитектор, сумевший увидеть в аллейке хрупких саженцев величие будущих деревьев, предугадать невероятное впечатление, которое они будут производить когда-нибудь, когда сам он уже покинет эту землю!

Когда я вышла на свет, солнце только-только скользнуло за крышу дома, затопив его розовато-оранжевыми лучами. И хотя я сгорала от нетерпения, я все-таки затормозила на секунду – поглядеть, как темный дом плывет в разноцветном сиянии. Я срезала путь – мимо фонтана «Амур и Психея», через аллею красных махровых роз леди Вайолет к черному ходу. Вестибюль был пуст, и я нарушила одно из главнейших правил мистера Гамильтона – побежала по каменному полу: в кухню, мимо стола миссис Таунсенд, заставленного пирогами и тортами, вверх по лестнице.

Дом стоял странно тихий, все уже собрались на концерт. Подбежав к позолоченной двери в зал, я остановилась, пригладила волосы, одернула юбку, скользнула внутрь, в полутемное помещение, и села у стены вместе с другими слугами.

Сплошные успехи

Я и не думала, что в зале будет так темно. Я ведь никогда раньше не бывала на концертах, только однажды, когда мама взяла меня в Брайтон к своей сестре Ди, видела сценку с Панчем и Джуди. А сейчас окна были задернуты темными шторами, и зал освещался только принесенными с чердака прожекторами. Они горели желтым, подсвечивая сцену снизу вверх, окутывая выступавших странным мерцанием.

Сейчас была очередь Фэнни: она хлопала глазами и выводила трели, допевая последние такты модной песенки. Недотянув верхнее си, она заменила его скрипучим ля и была вознаграждена снисходительными аплодисментами публики. Фэнни жеманно заулыбалась и присела в реверансе, но кокетство не достигло цели: внимание зала было приковано к занавесу, который вспухал изнутри, обрисовывая нетерпеливые локти и колени следующих артистов.

Фэнни спустилась с правой стороны сцены, а слева уже выходили одетые в тоги Эммелин и Дэвид. Они держали в руках три длинных шеста и простыню, которая тут же превратилась во вполне приличный, хоть и кривобокий, шатер. Актеры заползли в него на коленях, зрители зашикали, призывая друг друга к молчанию.

– Леди и джентльмены! – объявил голос из-за занавеса. – Сцена из Книги Чисел.

Одобрительный шепот.

– Вообразите, что вы перенеслись в древние времена, – продолжал голос. – Семья расположилась на ночлег на склоне горы. Брат с сестрой втайне обсуждают женитьбу другого брата.

Одинокие хлопки из зала.

– Брат мой, что же сделал Моисей? – звенящим голосом заговорила Эммелин.

– Нашел себе жену, – немного ломаясь, ответил Дэвид.

– Но она не из нас, – глядя прямо в зал, объявила Эммелин.

– Ты права, сестра, – согласился Дэвид. – Она – эфиоплянка.

Эммелин потрясла головой, изображая недовольство и озабоченность.

– Он взял жену не из нашего рода. Что же с ним будет?

Внезапно из-за занавеса донесся ясный, звучный голос, усиленный не иначе как с помощью свернутой из картона трубки:

– Аарон! Мариам!

Эммелин старательно изобразила ужас.

– Это я – ваш Господь, Отец ваш небесный! Подойдите к скинии собрания!

Эммелин и Дэвид послушно выбрались из шатра и вышли на середину сцены. Мерцающие лампы бросали тень на простыню.

Мои глаза уже привыкли к темноте, и по знакомым очертаниям я угадала некоторых зрителей. В первом ряду, среди привилегированных гостей, я различила мешковатый подбородок леди Клементины и украшенную перьями шляпу леди Вайолет. На пару рядов дальше смотрели спектакль майор с женой. Еще ближе ко мне сидел – нога на ногу – мистер Фредерик и, вытянув шею, внимательно следил за тем, что происходит на сцене. Я всмотрелась в его профиль. Что-то не так. В мерцающих лучах рампы его скулы проступили, как у мертвеца, а глаза отсвечивали стеклянным блеском. Глаза. Мистер Фредерик был без очков. Первый раз на моей памяти.

Бог начал произносить приговор, и я снова перевела взгляд на сцену.

– Мариам и Аарон! Как же вы не убоились упрекать раба моего, Моисея?

– Пощади нас, Господи! – взмолилась Эммелин. – Мы лишь...

– Довольно! Да падет на вас мой гнев!

Раскат грома (удар в барабан). Зрители подпрыгнули. Из-за занавеса выплыло облако дыма, который начал расплзаться по сцене.

Леди Вайолет вскрикнула, и Дэвид своим обычным голосом шепнул:

– Успокойся, бабушка, так надо, это часть спектакля.

По залу пронесся нервный смех.

– Да падет на вас мой гнев! – свирепым голосом повторила Ханна, и смех прекратился. – Дщерь! – Эммелин повернулась к облаку дыма. – Ты! Поражена! Проказой!

Эммелин схватилась за лицо руками.

– Нет! – вскрикнула она и, приняв драматическую позу, снова повернулась к зрителям.

Зал ахнул. В конце концов решено было не возиться с маской, а ограничиться смесью клубничного варенья с кремом, дающей невероятно уродливый эффект.

– Вот бесенята! – оскорбленно прошептала миссис Таунсенд. – А мне ведь сказали, что берут варенье, чтоб намазать лепешки!

– Сын мой! – выдержав положенную паузу, провозгласила Ханна. – Хоть ты и совершил тот же самый грех, тебя я помилую.

– Спасибо, отец мой, – ответил Дэвид.

– Поклянись, что больше никогда не будешь злословить о жене своего брата.

– Клянусь, Господи.

– Ступай с миром.

– Но, Господи! – с трудом сдерживая смех, взмолился Дэвид, простирая руки к Эммелин. – Прошу тебя: исцели мою сестру!

Аудитория замерла, ожидая, что же ответит Бог.

– Нет, – последовал ответ. – Ей придется прожить вдали от вас семь дней. Только тогда к ней вернется ее прежнее обличье.

Эммелин рухнула на колени, Дэвид положил руку ей на плечо, и тут на сцене появилась Ханна. Зал дружно охнул. На Ханне красовались безупречный мужской костюм и шляпа, в руке – трость, из кармана свисала цепочка часов, а на носу сидели очки мистера Фредерика. Она прошлась по сцене, жонглируя тростью, как истинный денди, и заговорила голосом, до боли напоминающим голос отца:

– Моя дочь должна понять, что на свете правят два закона: один – для девочек, другой – для мальчиков.

Ханна перевела дух и поправила шляпу.

– А все остальное – прямая дорожка к тому, чтобы стать суффражисткой.

Зрители молчали, разинув рты.

Слуги тоже были потрясены. Я заметила, как побелел мистер Гамильтон. Но даже растерявшийся, он честно служил подпоркой для миссис Таунсенд, которая, так и не оправившись до конца от надругательства над вареньем, от нового потрясения вообще завалилась набок.

Я отыскала глазами мистера Фредерика. Он по-прежнему сидел на своем месте, прямой как палка. Потом у него начали подергиваться плечи, и я испугалась, что с ним сейчас случится один из тех приступов ярости, о которых рассказывала Нэнси. Дети на сцене застыли, как куклы в кукольном домике, они молча смотрели на зрителей, а зрители – на них.

Ханна являла собой образец хладнокровия и совершеннейшей невинности. На секунду мы встретились глазами, и мне показалось, что на ее лице мелькнула улыбка. Я не смогла удержаться и, робея, улыбнулась было в ответ, но зоркая Нэнси тут же ущипнула меня за руку.

Сияющая Ханна взяла за руки Дэвида и Эммелин, все трое подошли к краю сцены и поклонились. Сладкая капля сорвалась с носа Эммелин и с шипением приземлилась на ближайший прожектор.

– Именно так и бывает, – раздался пронзительный голос леди Клементины. – Я знала человека, у которого друг заразился проказой в Индии. Его нос свалился прямо в таз для умывания, когда тот брился.

И тут мистер Фредерик не выдержал. Его глаза встретились с глазами Ханны, и он расхохотался. Я никогда не слышала такого смеха – открытого, заразительного. Один за другим к нему присоединились остальные зрители. Все, кроме леди Вайолет.

Я и сама смеялась, пока Нэнси не прошипела мне на ухо:

– Ну хватит, мисс. Пойдем, поможешь мне накрыть к ужину.

Пришлось пропустить конец представления. Впрочем, я уже увидела все, что хотела. Когда мы покинули зал и двинулись по коридору, послышались затихающие аплодисменты, концерт пошел своим чередом. А меня все переполняло какое-то странное воодушевление.

К тому времени как мы взбили в гостиной диванные подушки и расставили подносы с кофе и яствами миссис Таунсенд, представление наконец-то закончилось, и гости спустились к ужину, пара за парой, согласно положению в обществе. Первыми шли леди Вайолет с майором Джонатаном, затем лорд Эшбери с леди Клементиной, за ними мистер Фредерик с Джемаймой и Фэнни. Хартфорды-младшие, по-видимому, остались наверху.

Все расселись, и Нэнси подвинула поднос так, чтобы леди Вайолет было удобно разливать кофе. Пока гости оживленно беседовали, хозяйка нагнулась к креслу мистера Фредерика и, не переставая мило улыбаться, шепнула:

– Ты совершенно испортил детей.

Мистер Фредерик сжал губы. По всему было видно: этот укор он слышал не впервые.

Внимательно глядя на кофейник, леди Вайолет продолжала:

– Возможно, сейчас их выходки кажутся тебе забавными. Но настанет день, когда ты пожалеешь, что потакал им. Дети растут совершенно безнадзорными. Особенно Ханна. Девчонке нужно поменьше думать и побольше слушать старших.

Увидев, что ее слова достигли цели, леди Вайолет выпрямилась, надела на лицо маску радушного дружелюбия и передала чашку кофе леди Клементине.

Разговор зашел, как часто случалось в те дни, о положении в Европе и о том, окажется ли Британия втянутой в войну.

– Война будет. Ее не может не быть, – принимая предложенную ей чашку кофе и поудобнее устраиваясь в любимом кресле леди Вайолет, заявила леди Клементина. – И нам всем придется нелегко. Мужчинам, женщинам, детям. Немцы – настоящие варвары. Разграбят страну, перебьют всех младенцев и возьмут в рабство добропорядочных английских женщин, чтобы мы рожали им маленьких гуннов. Вот попомните мои слова, я редко ошибаюсь. Еще лето не кончится, как мы уже будем воевать.

– Стоит ли так преувеличивать, Клементина? – сказала леди Вайолет. – Война – если она вообще начнется – не будет такой ужасной. Сейчас не те времена.

– Именно, – поддержал ее лорд Эшбери. – Это будет совсем новая война, война двадцатого столетия. Тем более ни один варвар никогда не поднимет дубины на англосакса.

– Может быть, и не стоит этого говорить, – прошептала Фэнни, подпрыгивая на краешке кресла так, что тряслись все ее кудряшки, – но я надеюсь, что война все-таки будет. – Она тут же обернулась к леди Клементине. – Нет, тетушка, я не о смерти и мародерстве, это все, разумеется, ужасно. Но как же мне нравятся мужчины в форме! – Фэнни кокетливо стрельнула глазами в сторону майора. – Вчера я получила письмо от своей подруги Марджери... Вы помните Марджери, тетя Клем?

Леди Клементина опустила тяжелые веки:

– К несчастью, да. Бестолковая девица с провинциальными манерами. – Она наклонилась к леди Вайолет: – Выросла в Белфасте, так что сами понимаете... Одно слово – ирландская католичка.

Я невольно глянула на Нэнси – та заметно напряглась, но, поймав мой взгляд, одарила меня сердитой гримасой.

– Ну так вот, – продолжала Фэнни, – семья Марджери отдыхала на море, и, когда она встречала маму на станции, почти все вагоны были заняты резервистами, которые ехали к месту назначения. Так волнующе!

– Фэнни, дорогая, – попивая кофе, произнесла леди Вайолет, – мне кажется, это дурной вкус – желать войны, просто потакавая своим чувствам. Не правда ли, Джонатан?

Стоявший у незажженного камина майор горделиво выпрямился.

– Хотя я не могу разделить побуждений Фэнни, я тем не менее разделяю ее порыв. Я также надеюсь, что мы вступим в войну. Развели черт знает что у себя там, на континенте, – простите мне столь сильное выражение, мама, леди Клем, – но по-другому это не назовешь. Им просто необходимо вмешательство старой доброй Британии, которая все уладит. Даст варварам хорошего пинка.

В гостиной поднялся одобрителный гул, а Джемайма сжала руку мужа, преданно глядя на него пуговичными глазками.

Старый лорд Эшбери воинственно пыхнул трубкой.

– Вот это правильно, – объявил он, откидываясь на спинку кресла. – Это по-нашему. Только война делает из мальчишек настоящих мужчин.

Мистер Фредерик заерзал на стуле, принял от леди Вайолет свой кофе и начал набивать трубку.

– А вы, Фредерик? – застенчиво спросила Фэнни. – Чем вы займетесь, если начнется война? Вы же не перестанете делать автомобили, правда? Ужасно, если из-за глупой войны исчезнут такие хорошенькие блестящие автомобили. Я бы не хотела снова пересаживаться в экипаж.

Мистер Фредерик, смущенный кокетством Фэнни, полез в карман за табаком.

– Не волнуйтесь. За машинами – будущее.

Он наконец набил трубку и пробормотал себе под нос:

– Война нужна, чтобы дамам было о чем поговорить...

Тут дверь гостиной распахнулась, и в комнату, все еще горя возбуждением, влетели Ханна, Эммелин и Дэвид. Девочки уже успели переодеться в одинаковые платья с матросскими воротниками.

– Замечательно сыграли! – похвалил лорд Эшбери. – Я, правда, ни слова не слышал, но сыграли замечательно.

– Да, очень мило, – согласилась с ним леди Вайолет. – Только на следующий год позвольте бабушке помочь вам с выбором главы.

– А ты, па? – допытывалась Ханна. – Тебе понравилось?

– Мы обсудим некоторые моменты позже, хорошо? – ответил мистер Фредерик, старательно избегая взгляда матери.

– Дэвид! – дребезжащий голосок Фэнни перекрыл голоса остальных. – А мы тут говорим о войне. Ты пойдешь на фронт, если Британия вступит в войну? Из тебя бы вышел лихой офицер.

Дэвид взял чашку кофе из рук леди Вайолет и сел.

– Я об этом как-то не думал, – наморщив нос, ответил он. – Наверное, пойду. Говорят, в наше время это единственный шанс для мужчины совершить подвиг.

Он кинул смеющийся взгляд на Ханну и, не в силах удержаться, добавил:

– Прости, сестренка, но девочек в армию не берут.

Фэнни залилась таким пронзительным смехом, что веки леди Клементины затрепетали.

– Не глупи, Дэвид. Ханна никогда не пошла бы на войну. Это просто смешно.

– Пошла бы, – яростно возразила Ханна.

– Но, дорогая, – потрясенно молвила леди Вайолет, – тебе даже нечего туда надеть!

– Она бы надела брюки и сапоги для верховой езды, – съехидничала Фэнни.

– Или костюм, – предложила Эммелин. – Как сегодня. Только без шляпы.

Мистер Фредерик поймал осуждающий взгляд матери и торопливо откашлялся.

– Хоть будущее одеяние Ханны и вызывает столь глубокий интерес, смею напомнить, что этот вопрос не для обсуждения. Ни она, ни Дэвид воевать не собираются. Девочек на фронт не берут, а Дэвид еще учится в школе. Он найдет другой способ послужить Англии и королю. – Он повернулся к Дэvidу. – Когда ты закончишь сперва Итон, а потом Сандхерст, тогда дело другое.

– Если я закончу Итон и если я пойду в Сандхерст, – поправил сквозь зубы Дэвид.

Наступила тишина, кто-то откашлялся, стало слышно, как мистер Фредерик постукивает ложечкой по чашке. В конце концов он прервал затянувшуюся паузу:

– Дэвид шутит. Правда, сын? – Тишина стала натянутой. – Да?

Дэвид с напряжением моргнул, и я заметила, как чуть заметно дрожит его подбородок.

– Да, – сказал он наконец. – Конечно, я шучу. Просто хотел разрядить атмосферу, знаете, все эти разговоры о войне... Наверное, не получилось. Простите. Бабушка... Дедушка...

Он кивнул им по очереди, а я увидела, как Ханна сжала ладонь брата.

– Согласна с тобой, Дэвид, – улыбнулась леди Вайолет. – Давайте не станем говорить о войне, которая, быть может, никогда и не наступит. Попробуйте лучше замечательные бисквиты миссис Таунсенд. – Она кивнула Нэнси, и та еще раз обнесла гостей.

Некоторое время все молча жевали бисквиты, пытаясь найти для беседы тему столь же занимательную, как грядущая война. Судовые часы на камине отсчитывали минуту за минутой. Наконец леди Клементина сказала:

– Сражения сражениями, но настоящие убийцы во время войны – болезни. С поля боя вечно приходит всякая зараза. Сами увидите, – уверенно кивнула она. – Как только война начнется, так и эпидемии за ней.

– Если начнется, – поправил Дэвид.

– А как мы узнаем про войну? – с круглыми глазами спросила Эммелин. – К нам что, приедет кто-то из правительства и предупредит?

Лорд Эшбери проглотил бисквит целиком.

– Один из членов нашего клуба говорит, что объявление ожидается со дня на день.

– Я чувствую себя словно дитя в сочельник, – сказала Фэнни, нервно сплетая пальцы. – Когда не можешь дожидаться утра, чтобы развернуть подарки.

– Я бы не относился к событиям столь восторженно, – отозвался майор. – Если Британия вступит в военные действия, они растянутся на несколько месяцев. До Рождества как минимум.

– Тем более, – кивнула леди Клементина. – Я завтра же отошлю лорду Гиффорду письмо с программой моих похорон. И вам, кстати, рекомендую сделать то же самое. Пока не поздно.

Никогда раньше я не слышала, чтобы кто-то говорил о своих похоронах, а уж тем более – их планировал. Мама бы сказала, что такие разговоры к несчастью, и заставила бы бросить щепотку соли через плечо. Я с изумлением уставилась на леди Клементину. Нэнси рассказывала мне о ее угрюмом нраве – под лестницей часто вспоминали, как она склонилась над кроваткой новорожденной Эммелин и уверенно изрекла, что такое прелестное дитя ненадолго задержится в нашем мире. И все равно – слова о похоронах меня поразили.

Хартфорды, напротив, явно привыкли к подобным высказываниям – никто даже и не моргнул.

Ханна распахнула глаза в притворной обиде.

– Вы что же, думаете, что мы похороним вас без должных почестей, леди Клементина? – Она очаровательно улыбнулась и взяла пожилую даму за руку. – Я лично прослежу за тем, чтобы прощание с вами состоялось по всем правилам.

– Ну уж нет, – фыркнула леди Клементина. – Если сам не займешься приготовлениями, неизвестно, кто займется ими потом. – Она выразительно поглядела на Фэнни и раздула и без того большие ноздри. – Нет, нет. Я такие вещи планирую за много лет.

– В самом деле? – с искренней заинтересованностью спросила леди Вайолет.

– Разумеется, – ответила леди Клементина. – Похороны – один из самых важных моментов в жизни, и мои станут настоящим событием.

– С удовольствием погляжу, – сказала Ханна.

– Да уж пожалуйста, – сказала леди Клементина. – В наше время нельзя упустить ни одну мелочь. Люди теперь ничего не прощают, к чему мне критические статьи?

– Стоит ли придавать статьям такое значение? – заметила Ханна, тут же заработав сердитый взгляд от отца.

– Может быть, и нет, – ответила леди Клементина, – но... – Она наставила униженный драгоценностями палец сперва на Ханну, потом на Эммелин и затем на Фэнни. – Не считая объявления о свадьбе, некролог – единственный шанс для женщины попасть в газеты. – Она подняла глаза к потолку. – И дай бог, чтобы пресса была к ней благосклонна, ибо второго шанса у нее уже не будет.

Концерт прошел с успехом, и теперь, для того чтобы назвать ежегодный съезд гостей удавшимся, не хватало только обеда. Он должен был стать кульминацией нашего недельного труда, последним триумфом перед тем, как гости разъедутся и на Ривертон вновь опустится тишина. Приглашенные ожидали даже из Лондона (миссис Таунсенд сама слышала, что к нам собирается лорд Понсоби, один из кузенов короля), и мы с Нэнси под строгим надзором мистера Гамильтона потратили почти весь день, накрывая стол на двадцать человек.

Нэнси вслух называла каждый прибор перед тем, как поставить или положить его на место: столовая ложка, вилка и нож для рыбы, два ножа, две вилки и четыре хрустальных бокала разной величины. Мистер Гамильтон с рулеткой и чистым полотенцем обходил стол следом за нами, следя за тем, чтобы приборы находились на нужном расстоянии друг от друга, и его собственное отражение сурово взирало на него с каждой ложки. В центре стола, покрытого белой льняной скатертью, мы поставили хрустальную вазу с глянцевыми фруктами и украсили ее плющом и красными розами. Мне самой страшно понравилась эта композиция, она отлично подходила к парадному сервизу ее светлости – свадебному подарку, вручную расписанному в Венгрии узором из виноградных лоз, яблок и темно-красных пионов, и, по словам Нэнси, с ободками из настоящего золота.

Карточки с именами, написанные аккуратным почерком леди Вайолет, мы разложили согласно тщательно составленной ею схеме. Нельзя пренебрегать размещением гостей за столом, учила Нэнси. Более того, успех или провал обеда часто зависит именно от того, кто где сидит. Славу превосходной – а не просто хорошей – хозяйки принесло леди Вайолет как раз ее умение, во-первых, пригласить нужных людей, а во-вторых, ловко рассадить веселых и остроумных гостей среди скучных, но полезных.

К сожалению, я ничего не могу рассказать о торжественном обеде тысяча девятьсот четырнадцатого года: хоть мне и позволили накрыть на стол, до того, чтобы прислуживать гостям, я еще не доросла. Даже Нэнси, к ее досаде, к столу не допустили, так как стало известно, что лорд Понсоби не выносит служанок. Лишь распоряжение мистера Гамильтона остаться наверху и спрятаться в укромном уголке, чтобы принимать и спускать вниз на кухонном лифте тарелки, которые они с Альфредом будут выносить из столовой, немного ее утешило. Хоть будет потом что рассказать остальным на кухне, решила Нэнси. Она услышит, о чем говорят гости, хоть и не увидит кто и кому.

Мне мистер Гамильтон приказал встать внизу у лифта. Сказал, что это будет мой боевой пост. Я подчинилась, стараясь не обращать внимания на поддразнивания Альфреда, который

смеялся, что с таким часовым, как я, пост сейчас наступит у гостей – вместо обеда. Он вечно над всеми подтрунивал, шутки были беззлобные, и другие слуги охотно смеялись вместе с ним, только я никак не могла привыкнуть – ежилась всякий раз, когда оказывалась в центре внимания.

Я с восхищением глядела, как под потолком исчезает блюдо за блюдом, одно прекрасней другого: суп «под черепаху»⁶, рыба, «сладкое мясо»⁷, перепела, спаржа, картофель, абрикосовый пирог, бланманже – чтобы смениться грязными тарелками и пустыми подносами.

Пока важные гости вели беседы в столовой, миссис Таунсенд управляла пыхтящей и свистящей кухней, будто новым блестящим автомобилем вроде тех, что уже начали появляться в деревне. С невероятным для ее огромного тела проворством она металась между столами, притворно поругивая хрустящую корочку пирожков; от жара плиты по красным щекам стекали капли пота. Единственным человеком, которого не заразил ее энтузиазм, была бедная Кэти – всю первую половину дня она, с перекошенной физиономией, чистила невероятное количество картошки, всю вторую – скребла бесчисленное множество кастрюль.

Наконец, когда вверх отправились кофейники, молочники и полные рафинада сахарницы на серебряных подносах, миссис Таунсенд развязала фартук – сигнал к отдыху для всех нас. Повесила фартук на крючок у плиты, подобрала выбившиеся из пучка седые волосы и, утирая мокрый лоб, позвала:

– Кэти! – Она покачала головой. – Кэти! Что за девчонка! Вечно крутится под ногами, а когда нужна – нет ее!

Миссис Таунсенд доковыляла до обеденного стола и, привычно вздохнув, опустилась на свое место.

В дверях появилась Кэти с мокрой губкой в руках.

– Да, миссис Таунсенд?

– Ох, Кэти! – заворчала та. – О чем ты только думаешь?

– Ни о чем, миссис Таунсенд.

– Вот именно. Гляди – весь пол залила. – Миссис Таунсенд снова покачала головой и вздохнула. – Иди поищи тряпку и вытри за собой, а то, если мистер Гамильтон увидит, тебе несдобровать.

– Сейчас, миссис Таунсенд.

– А когда вытрешь, свари-ка нам горячего какао.

Кэти пошлепала назад, чуть не столкнувшись по пути с Альфредом, который ссыпался с лестницы – азартный, с горящими глазами.

– Кэти! Глядеть нужно! Я ведь чуть тебя не сшиб! – Он влетел в кухню, сияя своей открытой, почти детской улыбкой. – Добрый вечер, леди!

– Ну, Альфред? – снимая очки, осведомилась миссис Таунсенд.

– Ну, миссис Таунсенд? – отозвался Альфред, глядя на нее круглыми карими глазами.

– Ну? – повторила она, хлопнув в ладоши от нетерпения. – Не томи!

Я уселась на свое место, сняла туфли и вытянула ноги. Альфреду было двадцать – высокий, с красивыми руками и мягким голосом, он служил у лорда и леди Эшбери с тех пор, как пошел работать. Мне казалось, что миссис Таунсенд питает к нему некоторую слабость, хотя сама она ничего такого не говорила, а я не решалась спрашивать.

– Не томить? – переспросил Альфред. – Не понимаю я вас, миссис Таунсенд.

– Не понимает он, смотри ты! – тряхнула она головой. – Как все прошло? Говорили что-нибудь интересное?

⁶ Суп из телячьей головы, напоминающий по вкусу черепаховый.

⁷ Блюдо из зобной и поджелудочной желез.

– Знаете, миссис Таунсенд, – замялся Альфред, – я не могу ничего сказать, пока не спустится мистер Гамильтон. Это будет нечестно.

– Слушай, все, о чем я спрашиваю, – понравилась ли хозяйевам и гостям еда. Мистеру Гамильтону до этого мало дела, так?

– Не знаю, не знаю, миссис Таунсенд, – подмигнув мне, упорствовал Альфред. Я покраснела. – Хотя я заметил, что лорд Понсоби положил вторую порцию картофеля.

Миссис Таунсенд усмехнулась и кивнула сама себе.

– Это миссис Дэвис, кухарка лорда и леди Бэссингстоук, рассказала мне, что лорд Понсоби очень любит картофель в сливочном соусе.

– Любит? Хорошо, что он остальным хоть по чуть-чуть оставил!

Миссис Таунсенд вскрикнула, но глаза ее засияли.

– Альфред! Как тебе не стыдно так говорить! Если бы мистер Гамильтон слышал...

– Если бы мистер Гамильтон слышал что? – В дверях появилась Нэнси и села на свое место, снимая с головы наколку.

– Я просто рассказывал миссис Таунсенд, как леди и джентльмены хорошо кушали, – объяснил Альфред.

Нэнси закатила глаза.

– В жизни не видела таких пустых тарелок. Вон и Грейс подтвердит. – (Я кивнула.) – Может быть, не стоит опережать мистера Гамильтона, но я все-таки скажу: миссис Таунсенд, вы превзошли саму себя.

Миссис Таунсенд оправила блузку на необъятной груди.

– Ну разумеется, – самодовольно сказала она. – Мы все неплохо поработали.

Звон фарфора заставил всех повернуть головы к двери. Семенящими шажками вошла Кэти, крепко сжимавшая поднос. При каждом шажке какао переливалось через края чашек.

– Кэти, – сказала Нэнси, когда поднос очутился наконец на столе. – Ну что за грязь ты развела! Полюбуйтесь, миссис Таунсенд.

Миссис Таунсенд возвела глаза к небу.

– Мне все чаще кажется, что я зря трачу время на эту девчонку.

– Ну, миссис Таунсенд, – заныла Кэти. – Я же правда старалась! Я же не думала...

– Не думала о чем, Кэти? – осведомился вошедший в кухню мистер Гамильтон. – Что ты опять натворила?

– Ничего. Просто хотела подать какао.

– Да уж подала так подала, бестолковая, – сказала миссис Таунсенд. – Возвращайся в кухню и мой тарелки, а то вода остынет. Если уже не остыла.

Она покачала головой вслед судомойке и повернулась к мистеру Гамильтону:

– Ну что, мистер Гамильтон, все уехали?

– Да, миссис Таунсенд. Я только что проводил последних гостей – лорда и леди Дэнис.

– А семья?

– Леди уже легли. Его светлость, майор и мистер Фредерик допивают херес в гостиной и вскоре тоже разойдутся.

Мистер Гамильтон положил руки на спинку стула и замолчал, глядя куда-то вдаль, – верный знак, что сейчас прозвучит важная речь. Мы застыли на своих местах. Он откашлялся.

– Мы все можем гордиться собой. Обед удался, хозяйева нами довольны. – Мистер Гамильтон гордо улыбнулся. – Более того, хозяин позволил нам откупорить бутылку шампанского, чтобы отпраздновать успех. В знак благодарности, как он сказал.

Под наши аплодисменты мистер Гамильтон извлек бутылку из буфета, а Нэнси тем временем достала фужеры. Я сидела тихо, как мышка, глядя, как мистер Гамильтон разливает шампанское, и пересчитывала фужеры, гадая, достанется ли один и мне. Я к таким церемониям не привыкла, нам с мамой как-то нечего было праздновать.

Когда на столе остался всего один пустой фужер, мистер Гамильтон сдвинул очки на кончик длинного носа и внимательно посмотрел на меня.

– Да, – сказал он наконец. – Думаю, сегодня даже юная Грейс может позволить себе капельку шампанского. Не каждый вечер хозяева достаивают нас такой милости.

Я благодарно взяла фужер, а мистер Гамильтон поднял свой повыше.

– За здоровье тех, кто живет и работает в этом доме, – провозгласил он. – Желаю вам долгих и счастливых лет жизни!

Мы чокнулись, и я откинулась на спинку стула, попивая незнакомый напиток и чувствуя, как лопаются во рту пузырьки. И потом, до самой старости, стоило мне поднести к губам бокал шампанского, я вспоминала тот вечер в Ривертоне. Нас переполняли восторг и благодарность к лорду Эшбери. Альфред улыбался мне, подняв свой фужер, и я робко улыбалась в ответ, слушая, как остальные обсуждают подробности обеда: у леди Дэнис потрясающие бриллианты, у лорда Харкорта современные взгляды на брак, а лорд Понсоби обожает картофель.

И тут раздался пронзительный звон. Все замолчали, всполошенно переглядываясь друг с другом, пока мистер Гамильтон не вскочил со стула со словами:

– Что же я! Это же телефон!

И выбежал из кухни.

Лорд Эшбери одним из первых в Англии освоил новый вид связи, и весь дом невероятно этим гордился. Новый аппарат стоял в холле, возле выхода из буфетной, так, чтобы мистер Гамильтон мог без промедления ответить на звонок и переключить его наверх. К сожалению, такое случалось нечасто, так как мало кто из знакомых лорда и леди Эшбери мог похвастаться собственным телефоном. Тем не менее аппарат вызывал почти что религиозное поклонение, и все зашедшие по делам под тем или иным предлогом наведывались в холл: своими глазами посмотреть на священный предмет и проникнуться невероятным уважением к прислуге Ривертонна.

Потому неудивительно, что нас так взбудоражил неожиданный звонок. К тому же час был поздний, и удивление быстро сменилось тревогой. Мы замерли, наострив уши и затаив дыхание.

– Ал-ло-о-о? – нараспев произнес мистер Гамильтон. – Ал-ло-о-о?

В кухню пришлепала Кэти.

– Там что-то странное звенело. А-а-а, вы все шампанское пьете?

На нее зашикали. Кэти села за стол и принялась грызть ногти.

Из холла доносился голос мистера Гамильтона:

– Да, это дом лорда Эшбери... Майор Хартфорд? Да, майор Хартфорд здесь, у родителей... Да, сэр, сию же минуту. Как вас представить?.. Одну секунду, капитан Браун, соединяю.

– Майору звонят, – громко прошептала миссис Таунсенд, и мы приготовились слушать дальше.

Со своего места я видела профиль мистера Гамильтона – приоткрытый рот, закаменевшая шея.

– Простите, сэр, – сказал он в трубку. – Мне очень неприятно прерывать вашу беседу, сэр, но майора просят к телефону. Капитан Браун из Лондона, сэр.

Мистер Гамильтон замолчал, но трубку не повесил. Он всегда ждал, когда заговорит второй собеседник, чтобы удостовериться, что звонок не сорвался.

Я вдруг заметила, как сжались его пальцы. Неужели я действительно это помню? Или уже потом придумала, что он напрягся и часто задыхался?

Мистер Гамильтон бесшумно положил трубку и одернул куртку. Медленно вернулся на свое место во главе стола и остался стоять, крепко сжимая спинку стула. Оглядел всех по очереди. И тяжело произнес:

– Сбылись наши худшие страхи. В одиннадцать часов вечера Британия вступила в войну. Да хранит нас всех Господь.

Я плачу. Даже через столько лет я плачу о них. Странно. Это случилось так давно, те люди не были моими близкими, и все-таки теплые слезы текут и текут из глаз, скатываются по дорожкам морщин, высыхают на холодном ветру.

Приходит Сильвия, приносит салфетку и вытирает мне щеки. Для нее мои слезы – просто старческая немощь. Один из безобидных признаков преклонного возраста.

Она не знает, почему я плачу. Когда я перечитываю любимые книги, какая-то часть моей души требует иного конца. Так и тут – без всякой надежды я надеюсь, что война не наступит. Что в этот раз она обойдет нас стороной.

Смешно, не правда ли? Старушечьи бредни. Ведь вы не хуже меня знаете, что смерть не остановить и война уже на пороге.

Журнал «Мистери мейкер»

Зима 1998 года

Краткие новости

СМЕРТЬ ЖЕНЫ ПИСАТЕЛЯ: СЕРИЯ КНИГ ПРО ИНСПЕКТОРА АДАМСА ПРИОСТАНОВЛЕНА

Лондон: поклонников, с нетерпением ожидающих выхода шестой книги из серии «Инспектор Адамс», ждет разочарование. Автор, Марк Маккорт, приостановил работу над романом «Котел смерти» в связи с тем, что в октябре его жена, Ребекка Маккорт, скоропостижно скончалась от аневризмы.

Маккорт отказывается встречаться с журналистами, однако из достоверных источников нам стало известно, что после смерти жены писатель переживает творческий кризис. Британский издатель Маккорта «Реймс энд Стокуэлл» дать комментарии также отказался.

Одно из американских издательств, «Формэн Льюис», недавно купило первый из пяти романов Маккорта за сумму, которая в открытой печати не разглашается, но число, по слухам, получилось семизначное. «Говорящее преступление» выйдет осенью 1997 года. Предварительный заказ – в интернет-магазине «Амазон».

Ребекка Маккорт тоже была писательницей. Ее дебютный роман «Чистилище» – выдуманная история о незаконченной Десятой симфонии Малера – был номинирован на литературную премию «Ориндж прайс» в 1996 году.

Ребекка с Марком расстались незадолго до ее смерти.

На главной улице

Надвигается дождь. Ноет поясница – самый тонкий метеорологический прибор. Всю ночь я пролежала без сна, тело маялось, как само Время: каждая косточка стонала и жаловалась, будто вспоминая о былой легкости. Я крутилась и ворочалась, безуспешно призывая сон, который все маячил где-то рядом – и не отгонишь, и не ухватишь. Досада сменилась усталостью, усталость – тоской, а тоска – страхом. Страхом, что ночь никогда не кончится и я попала в западню, в мрачный бесконечный тоннель.

Но довольно перечислять болячки, а то я надоем даже самой себе. В конце концов я, видимо, заснула, потому что утром проснулась, а одного без другого не бывает. Я все еще лежала в постели, в перекрученной ночной сорочке, помятая от бессонницы, когда в комнату влетела девушка в рубашке с закатанными рукавами и с тонкой косой, такой длинной, что она задевала ее джинсы, и отдернула шторы, впуская солнечный свет. Сильвии нет, значит сегодня воскресенье.

Девушка – судя по значку, ее звали Элен – отвела меня в душ, крепко схватив за руку, чтобы я не упала. Ее вишневые ногти глубоко вдавились в мою дряблую кожу. Элен перекинула косу через плечо и начала намыливать меня, смывая кошмары ночи и мурлыча незнакомую мне мелодию. Когда с мытьем было покончено, она усадила меня на пластмассовое сиденье и оставила отмокать под теплым душем. Двумя руками я ухватила за поручень и, тоже напевая, наклонилась вперед, так чтобы вода стекала по спине.

С помощью Элен я вытерлась, оделась и к половине восьмого уже сидела в столовой. Там я постаралась впихнуть в себя резиновый тост и чашку кофе в ожидании, когда появится Руфь и отведет меня в церковь.

Я не слишком-то религиозна. Более того, бывали моменты, когда вера и вовсе покидала меня, и я восставала против небесного Отца, который посылает своим детям такие кошмарные испытания. Правда, потом я примирилась и с ними. Время – великий лекарь. К тому же Руфь любит ходить в церковь, и мне несложно сделать ей приятное.

Сейчас Великий пост, время подумать о душе и покаянии перед Пасхой. Кафедра в церкви покрыта красным. Проповедь получилась очень душевной, ее тема – вина и прощение – замечательно подходила к тому, чем я собираюсь заняться. Священник читал из Иоанна, призывая паству не поддаваться всеобщей истерии в связи с наступающим миллениумом, а искать мира в душе. «Я есмь путь и истина и жизнь, – читал он, – никто не приходит к Отцу, как только через Меня». А потом призвал нас в канун миллениума брать пример со святых апостолов. За исключением, разумеется, Иуды – нет большого подвига в том, чтобы повторить путь предателя, который продал Христа за тридцать сребреников, а потом повесился.

По традиции после службы мы прогулялись до Хай-стрит, чтобы выпить чаю «У Мэгги». Мы всегда пьем чай «У Мэгги», хотя сама Мэгги – с одним чемоданчиком и мужем лучшей подружки – уехала из нашего города много лет назад. Сегодня утром, когда я под руку с Руфью спускалась по Черч-стрит, я заметила, что на кустах ежевики, что растут по обе стороны дороги, набухли почки. Который раз повернулось колесо времени, который раз к нам идет весна.

Мы немного отдохнули на лавочке под столетним вязом, чей необъятный ствол высится на перекрестке Черч-стрит и Саффрон-Хай-стрит. Зимнее солнце играло в переплетении голых ветвей и согревало мне спину. На излете зимы случаются такие странные дни – и холодно, и жарко одновременно.

От вяза хорошо просматривается вся главная улица, которая тянется до рыночной площади, где переходит в Рэйлуэй-стрит. Я оперлась на трость и глядела, как люди идут туда-сюда, заходят в магазины, останавливаются поболтать со знакомыми; каждый – ось своей собствен-

ной сферы вращения. Я нечасто выхожу в центр города и забываю, что за стенами «Вереска» жизнь идет своим чередом.

Когда я была девочкой, по этим улицам ездили лошади, коляски и экипажи. После войны к ним добавились автомобили: «остин» и «тин-лиззи», с шоферами в лупоглазых очках и с пронзительными гудками. Дороги тогда были пыльные, все в выбоинах и конском навозе. Пожилые леди толкали перед собой детские коляски на колесах со спицами, а мальчишки с бездумными взглядами продавали из коробок газеты.

На углу, там, где сейчас заправка, торговала солью Вера Пипп – жилистая тетка в матерчатой кепке и с небольшой глиняной трубкой в зубах. Спрятавшись за мамину юбку, я в испуге тарасилась на огромный крюк, которым она отламывала глыбы соли. Миссис Пипп бросала их на ручную тележку, а потом пилой и ножом распилывала на мелкие кусочки. Этот крюк и глиняная трубка часто снились мне в кошмарах.

На другой стороне улицы стоял ломбард с тремя медными шарами у входа, как было принято в то время по всей Британии. Мы с мамой заходили туда каждый понедельник, чтобы за несколько шиллингов заложить наши воскресные платья. В пятницу, когда из ателье приходили деньги за штопку, мама посылала меня выкупить одежду, чтобы было в чем пойти в церковь.

Больше всего я любила ходить к бакалейщику. Теперь там фотоателье. Последнюю бакалейную лавку закрыли то ли десять, то ли двадцать лет назад, когда построили супермаркет на Бридж-роуд. А во времена моего детства в ней распоряжались длинный тощий дядька с густыми бровями и смешным акцентом и его маленькая пухлая жена; оба старались выполнить любые, пусть и самые заковыристые желания покупателя. Даже во время войны мистер Георгиас ухитрялся найти лишнюю пачку чая – за соответствующие деньги, понятно. Девчонкой я считала бакалейную лавку настоящей страной чудес. Я заглядывала внутрь через окно, упиваясь видом ярких коробок с «птичьим молоком», мармеладом и имбирным печеньем «Хантли и Палмер», расставленных аккуратными пирамидами. Сокровища, которым не было места у нас дома. На гладких просторных прилавках лежали желтые бруски масла и сыра, стояли коробки со свежими – а иногда еще и теплыми – яйцами и сушеной фасолью, которую взвешивали на медных весах. Иногда – о счастливые дни! – мама приносила из дома горшок, и мистер Георгиас доверху наполнял его темной патокой.

Руфь похлопала меня по руке, помогла подняться, и мы отправились дальше по улице – к выцветшему красно-белому навесу кафе «У Мэгги». Меню в поцарапанной черной обложке предложило нам обычный набор современных закусок: капучино, куриные сэндвичи, пиццу с томатом, – но мы, как обычно, заказали две чашки чая и ячменную лепешку на двоих и усадились за столик у окна.

Наш заказ подала незнакомая и, судя по неловкости, с которой она держала поднос с чаем и лепешкой, неопытная официантка.

Руфь неодобрительно взглянула на дрожащие руки девушки, а при виде лужиц на подносе подняла брови. Но от упреков удержалась, лишь поджала губы и расстелила между чашками бумажную салфетку.

Мы попивали чай, как у нас водится, молча, пока Руфь не подвинула мне свою тарелку со словами:

– Доешь и мою половинку. Ты очень похудела.

Я хотела ответить ей фразой миссис Симпсон⁸ – женщина не может быть слишком богатой и слишком стройной, – да передумала. Руфь никогда не дружила с чувством юмора, а в последнее время оно покинуло ее окончательно.

⁸ Уоллис Уорфилд Симпсон, затем Уорфилд-Спенсер (1896–1986) – дважды разведенная американка, ради которой король

Конечно, я похудела. У меня совсем нет аппетита. Нет, я не потеряла чувство голода, скорее чувство вкуса. А когда у человека отмирает последний вкусовой сосочек, ему становится незачем есть. Смешно. Когда-то в юности я мечтала об идеальной фигуре – тонкие руки, маленькая грудь, интересная бледность, – вот и домечталась. Только идет она мне гораздо меньше, чем когда-то Коко Шанель.

Руфь стряхнула с губ несуществующие крошки, откашлялась, сложила салфетку пополам, потом вчетверо и прижала ножиком.

– Мне надо купить кое-что в аптеке, – сказала она. – Подождешь меня?

– В аптеке? – встревожилась я. – А что случилось?

Дочери уже за шестьдесят, у нее взрослый сын, а сердце у меня все равно екает.

– Ничего, – ответила она. – Ничего страшного. – И объяснила шепотом: – Просто сновидное.

Я кивнула; мы обе знали, почему Руфь не может спать. Беда сидела между нами, связанная уговором не обсуждать ее. Или его.

Руфь торопливо нарушила молчание:

– Посиди, я быстро. Здесь не холодно, отопление работает. – Она взяла сумочку, пальто и смерила меня подозрительным взглядом. – Ты ведь никуда не уйдешь, правда?

Я покачала головой, и Руфь заторопилась к двери. Она почему-то все время боится, что я куда-нибудь испарюсь в ее отсутствие. Интересно, куда, по ее мнению, мне так хочется сбегать?

В окно я увидела, как она смешалась с прохожими. Все теперь другое – размеры, формы. И цвета, даже здесь, в Саффроне. Интересно, что сказала бы на это миссис Таунсенд?

Торопливая мама проволокла за собой краснощекого малыша, закутанного, как шарик. Ребенок – девочка или мальчик, не разберешь – серьезно уставился на меня большими круглыми глазами, еще не знакомый с правилами хорошего тона. В памяти будто молния сверкнула. Это же я, только давным-давно – мама тащила меня за собой, переходя через улицу. Точно-точно! Мы шли мимо этого самого здания, только тогда тут было не кафе, а мясная лавка. В витрине на белых мраморных плитах рядами лежали куски мяса, с потолка, над посыпанным опилками полом, и снаружи – над тротуаром – свисали говяжьих туши, гуси, фазаны и кролики. Мистер Хоббинс, мясник, помахал мне рукой, и мне тут же захотелось, чтобы мама купила хороший кусок мяса и сварила дома суп.

Я тащилась мимо витрины, представляя себе, как этот суп – с мясом, с луком, с картошкой – кипит у нас на плите, наполняя крошечную кухню вкусным-превкусным запахом. Мне даже показалось, что на улице запахло бульоном.

Но мама не остановилась. Даже не подумала. Ее каблуки все так же стучали по тротуару, и внезапно мне захотелось напугать ее, наказать за то, что мы такие бедные, притвориться, будто я потерялась.

Я стояла на месте, уверенная, что мама вот-вот меня хватится и побежит обратно. Может быть – ну, вдруг? – она так обрадуется, когда я найдусь, что передумает и все-таки купит мяса...

И вдруг меня развернуло и потащило вдоль по улице обратно, туда, откуда мы пришли. Я тут же поняла, что случилось – какая-то женщина зацепила авоськой пуговицу моего пальто и поволокла меня за собой. Отчетливо помню, как я потянулась к ее широкому заду – просто похлопать, чтобы она отпустила меня, – но, застеснявшись, отдернула руку, не переставая торопливо перебирать ногами, чтобы не отстать. Так мы перешли через дорогу, и тут я заплакала. Я потерялась и с каждым шагом оказывалась все дальше и дальше от мамы. Я никогда больше ее не увижу. Теперь я во власти этой совершенно незнакомой леди.

И тут на другой стороне улицы я заметила среди прохожих маму! Какое счастье! Я хотела закричать, но от слез у меня перехватило дыхание. Я замахала руками, подвывая, всхлипывая.

Мама повернулась и увидела меня. Застыла на мгновение, прижав к груди худую руку, и через секунду уже была на моей стороне улицы. К тому времени и женщина почувствовала наконец, что тащит за собой незваного пассажира, и остановилась в испуге. Повернулась, увидела высокую незнакомку с изможденным лицом и ее измазанное слезами отродье и с ужасом прижала сумку к груди.

– Пошли вон! Пошли вон, а не то я позову констебля!

Кругом, почуяв скандал, начали собираться люди. Мама извинялась перед женщиной, а та глядела на нее, как на крысу в чулане. Мама пыталась объяснить, что произошло, а та отодвигалась все дальше и дальше, так что мне оставалось только переступить следом за ней, отчего она раскричалась еще сильнее. В конце концов к нам и впрямь подошел констебль и потребовал объяснить, что за шум.

– Она пыталась стащить мою сумку! – заявила леди, указывая на меня пальцем.

– Это правда? – спросил у меня констебль.

Я только замотала головой, не в силах выдать ни слова, в полной уверенности, что меня сейчас арестуют.

Мама объяснила им все про мою пуговицу, и констебль кивнул, а дама недоверчиво нахмурилась. Все опустили глаза и осмотрели авоську, которая действительно все еще цеплялась за мое пальто, и констебль велел маме меня освободить.

Она отцепила пуговицу, поблагодарила констебля, еще раз извинилась перед женщиной и перевела глаза на меня. Я стояла ни жива ни мертва, ожидая, расхохочется мама или заплачет. Оказалось, что и то и другое, правда не сразу. Она сгребла меня за воротник коричневого пальто и увела подальше от толпы, остановившись, только когда мы свернули на Рэйлуэй-стрит. Как только со станции тронулся поезд на Лондон, мама повернулась ко мне:

– Противная девчонка! Я уж думала, ты потерялась! Ты меня в могилу сведешь, честное слово! Этому тебе хочется? Без мамы остаться?

Она одернула на мне пальто, покачала головой и крепко, до боли, взяла меня за руку.

– Пожалеешь, прости господи, что не отдала тебя в приют.

Это была обычная мамина присказка, когда я плохо себя вела, и угроза, без сомнения, не была пустой. Мамина жизнь сложилась бы куда удачнее, если я осталась бы в приюте. Беременность для женщины означала верную потерю места, и с тех пор, как я появилась на свет, мама только и делала, что выкручивалась и сводила концы с концами.

Я столько раз слышала историю о моем спасении из приюта, что мне казалось: я знала ее еще до рождения. Настоящее семейное предание: как мама закутала меня потеплей, спрятала к себе под пальто, чтобы я не замерзла, и села на поезд, идущий в Лондон. Как она шла по Грэнвилл-стрит и Гилфорд-стрит к Рассел-сквер, а люди только качали головами, догадываясь, что за сверток она прижимает к груди. Как тут же узнала здание приюта, потому что вокруг бродили такие же молодые женщины, укачивая плачущих малышей. И тут голос, ясный как день (Бог – говорила мама; дурость – возражала тетя), велел ей поворачивать, потому что ее долг – самой вырастить свою малютку. По словам мамы выходило, что я должна вечно благодарить судьбу за этот миг.

В то утро, утро пуговицы и авоськи, упоминание о приюте заставило меня надолго замолчать. Не потому, что я радовалась счастливому повороту судьбы, позволившему мне избежать казенного дома, как наверняка думала мама. Нет, я в который раз погрузилась в свою любимую фантазию. Приют Корама на Гилфорд-стрит славился издавна – говорят, что у самого Диккенса было постоянное место в приютской часовне, откуда он с удовольствием слушал, как сиротки расппевают гимны. Я обожала представлять, как пою в хоре вместе с другими детьми, одетая в приличный костюм, которые, по слухам, им выдают. У меня было бы полно братьев и сестер,

с которыми я бы играла, а не одна только усталая и сердитая мама, с вечным разочарованием на лице. Одной из причин разочарования, как это ни грустно, была я.

Я вынырнула из прошлого, ощутив, что кто-то стоит у меня за плечом. Повернулась и увидела девушку. Через несколько секунд я осознала, что это та самая официантка, что приносила нам чай. Она выжидательно глядела на меня.

Я заморгала, приходя в себя.

– Разве моя дочь не расплатилась?

– Да-да, – с мягким ирландским акцентом уверила меня девушка, не двигаясь с места. – Расплатилась, мэм. Еще когда заказывала.

– Тогда что вам угодно?

– Дело в том, мэм... – Она сглотнула. – Там Сью с кухни говорит, что вы бабушка... Ну, она говорит, что Марк Маккорт – ваш внук. А я его страшная фанатка, мне жутко нравится инспектор Адамс. Я все книги читала.

Марк. Как всегда, при звуке его имени в груди привычно толкнулась тоска. Я улыбнулась официантке:

– Рада слышать. Внук бы тоже обрадовался.

– Я так расстроилась, когда прочитала о его жене.

Я кивнула.

Она замялась, и я приготовилась к вопросам, которые задавали все: а будет Марк и дальше писать про инспектора Адамса, выйдет ли еще что-нибудь? И удивилась, когда деликатность или стеснительность пересилили любопытство.

– Приятно было познакомиться, – сказала девушка. – Пойду, а то там Сью уже, наверное, злится. – Она шагнула было прочь, но вдруг снова повернулась ко мне. – Расскажите ему, ладно? Как я скачаю по его книгам, и не только я – все поклонники.

Я пообещала, хотя понятия не имела, удастся ли мне сдержать слово. Как и многие его ровесники, Марк путешествует по миру. Но в отличие от остальных он ищет не приключений, а забвения. Внук скрылся в облаке своего горя, и я не знаю, где он теперь. Последний раз он дал о себе знать месяц назад. Фото статуи Свободы на открытке, калифорнийская марка, прошлогодняя дата и подпись: «С днем рождения. М.»

И дело не только в горе. Вина – вот что гонит его по свету. Он винит себя в смерти Ребекки. Думает, что, если бы он ее не оставил, все могло бы обернуться иначе. Я боюсь за него. Я ведь знаю, что это такое – непреходящая вина того, кто остался жить.

Я посмотрела в окно и увидела на той стороне улицы Руфь, она остановилась поговорить со священником и его женой и даже еще не дошла до аптеки. Я подвинулась на край стула, повесила на плечо сумку и покрепче сжала трость. Мне как раз надо улизнуть от дочери.

Магазинчик мистера Батлера стоит на главной улице. Всего лишь узкий полосатый навес, зажатый между булочной и магазином свечей и благовоний. Но за дверью красного дерева с сияющим медным молотком – целые россыпи сокровищ. Мужские шляпы и галстуки, школьные рюкзаки и кожаные чемоданы, кастрюли и хоккейные клюшки – всему нашлось место в длинном узком помещении. В одном из углов, где пахнет свежим хлебом из булочной, стоит всякая техника.

Мистер Батлер – коротышка лет сорока пяти с исчезающими шевелюрой и талией. Я знала и его отца, и деда, хотя никогда об этом не упоминаю. Я давно поняла, что молодых смущают разговоры о прошлом. Мистер Батлер улыбнулся мне поверх очков и сказал, что я хорошо выгляжу. Будь я моложе, лет хотя бы восьмидесяти, я бы, может, и поверила. А нынешние комплименты – всего лишь скрытое удивление тем, что я вообще еще жива. И все равно я его поблагодарила – он ведь искренне хотел сделать мне приятное – и спросила, есть ли у него магнитофоны.

– Слушать музыку? – уточнил мистер Батлер.

– Нет, говорить, – ответила я. – Записывать речь.

Он заколебался, явно размышляя, что же это я собираюсь надиктовывать, а потом вытащил из-под стекла маленький черный предмет.

– Вот это вам подойдет. Называется плеер – очень модная штука, все дети с ним ходят.

– Да, – обрадованно закивала я. – Что-то в этом роде я и хотела.

Моя неопытность была видна невооруженным глазом, и мистер Батлер пустился в объяснения.

– Это очень просто. Вот тут нажимаете, вот сюда говорите.

Он наклонился так близко, что я почувствовала, как от его костюма пахнет камфарой, и продемонстрировал мне небольшой металлический выступ на боку плеера.

– А вот здесь микрофон.

– Спасибо. Я выпишу чек.

Когда я вернулась, Руфи все еще не было. Чтобы избежать новых расспросов официантки, я поплотнее завернулась в пальто и уселась на автобусной остановке.

По ветру летели уже полузабытые мной конфетные фантики, сухие листья, буро-зеленые птичьи перья. Плясали вдоль по улице, укладывались на обочинах, чтобы со следующим порывом ветра снова подняться в воздух. Одно перо вдруг подлетело выше всех, подхваченное мощным потоком воздуха, поднялось над крышами и исчезло из виду.

Я думала о Марке, который вот так же носится по земному шару, гонимый неведомой силой. В последнее время все напоминает мне о нем. Прошлой ночью, когда сон ускользал от меня неуловимой мошкой, Марк то и дело вмешивался в мои воспоминания. Вложенный, как высушенный цветок, между образами Ханны, Эммелин и Ривертонна – мой внук. Вне места и времени. То малыш с нежной кожей и круглыми глазами, то мужчина, измученный любовью и потерей.

Я очень хочу снова увидеть Марка. Дотронуться до него. До любимого, знакомого лица, соединившего в себе черты множества предков, о которых он мало что знает.

Когда-нибудь он вернется, нет сомнений, родной дом – магнит, который притягивает даже самых блудных сыновей. Но когда – завтра или через долгие годы, кто его знает. А я уже не могу ждать. Покров Времени – когда-то полный тайн – стал совсем тонким. Исчезли иллюзии. Я будто сижу в холодном зале ожидания, перебирая древние образы и вслушиваясь в растаявшие вдали голоса.

Вот потому-то я и решила записать для него кассету. Даже несколько. Я открою ему тайну, давнюю тайну, которую так долго хранила. Никто не знает ее, кроме меня.

Сначала я хотела написать Марку. Но когда я вооружилась стопкой желтоватой бумаги и шариковой ручкой, мои пальцы подвели меня. Усердные, но бесполезные помощники, они сумели нацарапать лишь какие-то паучьи каракули.

Идею с магнитофоном подсказала Сильвия. Она обнаружила мои записки во время одного из приступов неожиданной уборки – верного средства сбежать от какого-нибудь другого, нелюбимого пациента.

– Рисовали, да? – спросила она, повыше поднимая листок и поворачивая его то так, то эдак. – Симпатично. Абстракция? И что она обозначает?

– Письмо, – ответила я.

Тогда-то она и рассказала мне о методе Берти Синклера – записывать и прослушивать письма на кассетном магнитофоне.

– С тех пор он стал гораздо покладистей. Меньше придирается. Как только начинает жаловаться на свой прострел, я тут же включаю магнитофон, ставлю ему любимую кассету и – раз-два-три – он щебечет, как птичка!

Я сидела на автобусной остановке, вертела в руках зонтик и дрожала от предвкушения. Начну, как только попаду домой.

Руфь помахала мне с другой стороны улицы, кисло улыбнулась и пошла по пешеходному переходу, засовывая в сумку аптечный пакет.

– Мама! – немедленно заворчала она, как только подошла поближе. – Ну что ты сидишь тут на холоде? – Дочь украдкой огляделась по сторонам. – Люди подумают, что я тебя здесь бросила.

Она подхватила меня под руку и повела назад по улице, к машине – мои туфли на плоской подошве бесшумно скользили рядом с ее стучащими каблуками.

На обратном пути я следила, как за окном бегут – ряд за рядом – одинаковые серые дома. В одном из них, зажатом между двумя точно такими же, я когда-то родилась. Я глянула на Руфь, но она или не заметила, или притворилась, будто не замечает. Да и что замечать – мы ездим этой дорогой каждое воскресенье.

Когда мы выползли из деревни в поля, я затаила дыхание – как обычно.

Вот сейчас... за Бридж-роуд... за поворотом... вот он. Вход в Ривертон. Кованые ажурные ворота на высоких столбах – проход в шелестящий тоннель старых деревьев. В прошлом году ворота были серебристыми, а в этом их выкрасили белым. Под узорчатыми буквами, из которых складывалось название «Ривертон», появилась вывеска: «Открыто для посещений с марта по октябрь с 10.00 утра до 4.00 вечера. Стоимость билета: взрослый – 4 фунта, детский – 2 фунта».

Мне еще надо было научиться работать с магнитофоном. К счастью, Сильвия горела желанием помочь. Она поднесла микрофон к моему рту, и по ее сигналу я произнесла первое, что пришло в голову:

– Алло... алло... Говорит Грейс Брэдли... Проверка.

Сильвия отодвинула плеер и улыбнулась:

– Вы прямо профессионал.

Она нажала кнопку, послышалось жужжание.

– Я перематываю кассету назад, чтобы послушать, что получилось.

Раздался щелчок – кассета перемоталась. Сильвия снова нажала на кнопку, и мы прослушали запись.

Старческий голос: слабый, безжизненный, еле слышный. Выцветшая, потертая ленточка. От меня, от того голоса, что я слышу в своих воспоминаниях, в ней осталось лишь несколько серебряных нитей.

– Прекрасно, – заключила Сильвия. – Пользуйтесь. Если что непонятно – зовите.

Она повернулась, чтобы идти, а я вдруг почувствовала себя неудобно.

– Сильвия...

Она повернулась. Силуэт в дверной раме.

– Что, милая?

– Что мне ему сказать?

– Да откуда же я знаю? – рассмеялась Сильвия. – Представьте, что он сидит вот тут, рядом. И расскажите ему все, что у вас на уме.

Так я и сделала. Я представила, будто ты растянулся на кровати у меня в ногах, как любил валяться мальчишкой, и заговорила. Рассказала тебе вкратце о фильме и Урсуле. О маме – как она по тебе скучает. Как хочет тебя увидеть.

И о своих воспоминаниях. Не о всех, конечно, – у меня есть цель, и я не хочу утомлять тебя историями из прошлого. Я просто поделилась с тобой странным чувством, что они стали для меня реальней, чем настоящее. Что я частенько ускользаю куда-то и страшно расстраива-

юсь, когда снова оказываюсь здесь, в тысяча девятьсот девяносто девятом, что ткань Времени развернулась и я стала чувствовать себя своей в прошлом и чужой в том странном изменчивом мире, который мы зовем настоящим.

Как странно сидеть в одиночестве и говорить с маленькой черной коробочкой. Сначала я шептала, боясь, как бы не услышали соседи. Как бы мой голос, хранитель секретов, не полетел бы по коридору к столовой, как пароходный сигнал к причалу чужого порта. Но когда медсестра принесла мои таблетки и с удивлением поглядела на меня, я успокоилась.

Она уже ушла. Таблетки я положила на подоконник. Позже я приму их, но пока мне нужна ясная голова. И пусть спина болит, как сама старость.

Я снова одна, люблюсь закатом. Мне нравится наблюдать, как солнце бесшумно спускается за дальние рощи. Сегодня я моргнула и пропустила его последний привет. Когда я подняла веки, сияющий полукруг уже спрятался, осталось лишь чистое небо: серебристо-белые полосы на голубом. Сама пустошь словно дрожит от внезапного холода; вдалеке по затянутой туманом долине ползет поезд, тормоза протяжно воют, когда он поворачивает к деревне. Это пятичасовой поезд, полный людей, которые едут с работы – из Челмсфорда, Brentвуда и даже самого Лондона.

Внутренним взором я вижу станцию. Не такую, как сейчас, конечно, а такую, какой она была. Над платформой висят большие станционные часы, их строгий циферблат и неутомимые стрелки напоминают, что ни Время, ни поезд никого не ждут. Сейчас их, наверное, сменило бездушное мигающее табло. Я не знаю. Я сто лет не была на станции.

Я помню ее такой, как в то утро, когда мы махали Альфреду, уходящему на войну. Ветер трепал красно-синие бумажные треугольнички, влюбленные обнимались, дети скакали, дули в свистки и размахивали флажками. И везде молодые люди – такие молодые! – в новой форме, в сияющих ботинках, веселые и беззаботные. И блестящий паровоз пополз, извиваясь, по рельсам, спеша доставить своих беспечных пассажиров в ад, полный грязи и смерти.

Но хватит об этом. Я забежала слишком далеко вперед.

На Западном фронте

*По всей Европе гаснут огни. И на нашем веку мы их уже не увидим.
Лорд Грей, министр иностранных дел
3 августа 1914 года*

Шел к концу четырнадцатый год, на горизонте маячил пятнадцатый, и становилось понятно, что к Рождеству война не закончится. Выстрел, раздавшийся в чужой стране, всколыхнул всю Европу и разбудил спящего гиганта давних распрей. Майора Хартфорда призвали на военную службу вместе с другими героями уже присыпанных пылью войн, а лорд Эшбери переехал в свою лондонскую квартиру и присоединился к отряду местной обороны в Блумсбери. Мистер Фредерик, не подлежащий призыву после перенесенной в 1910 году пневмонии, сменил автомобили на аэропланы и получил от правительства специальный знак, удостоверяющий, что он вносит серьезный вклад в военную промышленность. «Слабое утешение, – сказала Нэнси, которая, как обычно, была в курсе, – потому что мистер Фредерик всегда мечтал стать военным».

История говорит нам, что к тысяча девятьсот пятнадцатому году проявился истинный характер войны. Но история – дама капризная, не советую доверять ей вслепую. В то время как во Франции молодые парни сражались в настоящем аду, в Ривертоне жизнь текла почти так же, как раньше. Нет, мы знали, конечно, что ситуация на Западном фронте зашла в тупик – мистер Гамильтон ежедневно зачитывал нам гнетущие подробности из газет, да и в быту появились проблемы, заставлявшие людей покачивать головой и судачить о войне, но все это казалось несерьезным по сравнению с огромными возможностями, которые война давала тем, кому наскучила обыденная жизнь, тем, кто приветствовал новое время, позволяющее понять, чего ты стоишь.

Леди Вайолет создавала и возглавляла бесчисленные комитеты, которые чем только ни занимались: от размещения на постой беженцев поприличней до чаепитий для приехавших в отпуск офицеров. По всей Британии девушки и девочки (а бывало, даже и мальчики) защищали страну от врага со спицами в руках – вязали горы шарфов и носков для солдат. Фэнни вязать не умела, но жаждала впечатлить мистера Фредерика своей самоотверженностью и занялась организацией отправки вязаных вещей на фронт – их паковали в коробки и отсылали во Францию. Даже леди Клементина прониклась несвойственным ей духом патриотизма и взяла на постой одну из рекомендованных леди Вайолет бельгиек – пожилую леди с плохим английским, но хорошими манерами, – у которой она без конца выпытывала самые ужасные подробности войны.

Незадолго до Рождества леди Вайолет пригласила леди Джемайму, Фэнни и Хартфорд-младших в Ривертон на ежегодный праздник. Фэнни с удовольствием осталась бы в Лондоне, где было не в пример веселее, но не осмелилась отклонить предложение женщины, за сына которой собиралась замуж (невзирая на то, что сам сын находился в другом месте и на дух не переносил Фэнни). Пришлось ей коротать неделю за неделей в сельской глуши Эссекса. Она томилась так, как умеют томиться только молоденькие девушки, и развлекалась тем, что бродила из комнаты в комнату и репетировала грациозные позы на случай, если мистер Фредерик вдруг все-таки приедет.

Рядом с ней Джемайма казалась еще более пухлой и неуклюжей, чем в прошлом году. Зато она была замужем и могла похвастаться не просто мужем, но мужем-героем. Каждый раз, когда мистер Гамильтон вносил серебряный поднос с новым письмом майора, Джемайма разыгрывала очередной акт спектакля «Жена военного». С благосклонным кивком она брала

письмо, чуть прикрывала глаза, вздыхала, как само страдание, разрезала конверт и вынимала драгоценное содержимое. Затем письмо скорбным тоном зачитывалось всем, кого угораздило оказаться на тот момент в комнате.

Однажды, когда Нэнси покупала рыбу у торговца, чай в гостиную пришлось нести мне, и я наткнулась как раз на такую сцену. Только я подала чайник сидевшей в кресле леди Вайолет, как появился мистер Гамильтон, отягощенный драгоценным грузом.

Джемайма схватила письмо с подноса и победно взглянула на Фэнни.

– Спасибо, Гамильтон, – поблагодарила она и взяла нож для писем с хрустальной ручкой.

Вытащила помятые дорогой листки, осторожно расправила их и бегло проглядела, перед тем как зачитать вслух.

– «Дорогая Майми!» – Джемайма остановилась, пряча улыбку меж пухлых щек. – Это он меня так дома называет. «Пишу на бегу, старушка. Только что вернулся с обеда и меньше чем через час опять ухожу, поэтому просто черкну пару слов, чтобы ты знала, что со мной все в порядке, и передала привет всем домашним».

Джемайма водила глазами по строчкам, озвучивая основные моменты:

– У них дожди... посылку получил... спасибо миссис Таунсенд за пудинг... О, леди Вайолет, это для вас: «Поцелуй родителей и передай им мои поздравления. Страшно жаль, что я снова не попаду в Ривертон на Рождество, но вы же знаете, что долг превыше всего, особенно сейчас, когда мы просто обязаны одолеть варваров. Не сомневайтесь – душой я буду с вами».

– А он написал, где он? – спросила леди Вайолет, беря с моего подноса кусочек пирога. – Где проведет праздник? Так хочется верить, что ему удастся справиться его по-человечески.

Джемайма, с полным пирога ртом, снова забегала глазами по строчкам. Я предложила пирог Фэнни, но она взмахом руки отослала меня прочь, даже не посмотрев на угощение, взгляд ее был прикован к письму.

Как я поняла, записка майора всех разочаровала: общие слова о еде да погоде, хотя по вспыхнувшим щекам Джемаймы можно было предположить, что наиболее пикантные подробности она прочла про себя.

– А, вот, – сказала она, тыча пухлым пальцем в последний абзац. – Он спрашивает, доставил ли мистер Уортингтон часы.

– Уортингтон? – переспросила Фэнни. – Это что, продавец из «Харродс»?

– Да нет, что ты! – рассмеялась Джемайма. – Какое же ты еще дитя, Фэнни!

Фэнни натянуто улыбнулась.

– Это шифр, – объяснила Джемайма. – Мы выдумали его во время Англо-бурской войны. Маленький трюк, чтобы обойти цензуру. Часы мистера Уортингтона означают, что Джеймса перебрасывают на юг.

– Как интересно, – пробормотала надутая Фэнни. Она глотнула чаю, поджала губы и, сладко улыбувшись, добавила: – Как, наверное, нелегко быть замужем за военным. Никогда не знаешь, что за новости принесет почта.

– Да нет, – спокойно ответила Джемайма. – Я за него не волнуюсь. За него никто не волнуется – ведь он герой. Награжден крестом ордена Виктории, если ты не в курсе.

Для Ханны и Эммелин время тянулось бесконечно. Они приехали в Ривертон две недели назад, погода стояла ужасная, приходилось сидеть дома, уроков тоже не было, и девочки уже не знали, чем заняться. Переиграли во все игры – веревочку, шарики, золотоискателей (когда один игрок скребет другого по руке, пока не покажется кровь), помогали миссис Таунсенд на кухне, пока животы не заболели от сырого теста, и уговорили няню отпереть чердак, чтоб искать там пыльные сокровища. Им так хотелось поиграть в Игру! Я видела, как Ханна шарилась в шкапулке и перечитывала старые книжки, когда думала, что ее никто не видит. Но для Игры нужен был Дэвид, а он еще не приехал на каникулы.

Однажды, в конце ноября, когда я стирала к Рождеству лучшие скатерти, в прачечную влетела Эммелин. Постояла, огляделась и кинулась прямо к громадному бельевому шкафу. Рванула на себя дверь, и на пол упал круг света – от свечи.

– Ага! – торжествующе сказала она. – Я так и знала, что ты здесь!

Эммелин вытянула руки, демонстрируя двух белых сахарных мышек, чуть подтаявших по краям.

– От миссис Таунсенд.

Из шкафа показалась длинная рука, схватила одну из мышек и вернулась обратно.

Эммелин лизнула свое лакомство.

– Мне скучно. Ты что делаешь?

– Читаю, – ответили из шкафа.

– Что читаешь?

Молчание.

Эммелин заглянула в шкаф и сморщила носик.

– «Войну миров»? Опять?

Нет ответа.

Эммелин задумчиво пососала мышонка, внимательно оглядела его со всех сторон, сняла с липкого уха приставшую нитку.

– Мы могли бы полететь на Марс. Когда Дэвид приедет.

Тишина.

– Там будут марсиане – добрые и злые – и всякие опасности.

Как любой младший ребенок, Эммелин с младенчества научилась угадывать настроение сестры и брата; ей не надо было заглядывать в шкаф, чтобы понять, что она попала в точку.

– Мы рассмотрим это на совете, – прозвучал ответ.

Эммелин радостно взвизгнула, захлопала липкими ладошками и задрала ногу, чтобы тоже залезть в шкаф.

– А мы скажем Дэвиду, что это я придумала? – спросила она.

– Осторожно – свечка.

– Я буду красить карты красным вместо зеленого. Правда, на Марсе деревья красные?

– Правда. И вода, и земля, и каналы, и кратеры.

– Кратеры?

– Большие, глубокие темные дыры, где марсиане держат своих детей.

Из шкафа снова показалась рука и прикрыла дверцу.

– Как колодцы? – спросила Эммелин.

– Еще глубже. И темней.

– А зачем они держат в них детей?

– Чтобы никто не видел страшных экспериментов, которые на них ставят.

– Каких еще экспериментов? – задыхнулась от волнения Эммелин.

– Узнаешь, – пообещала Ханна. – Если Дэвид вообще когда-нибудь приедет.

А жизнь под лестницей, как обычно, отражала жизнь тех, кто наверху. Как-то вечером, когда хозяйева и гости разошлись по спальням, слуги собрались на кухне, у очага. Мистер Гамильтон и миссис Таунсенд уселись читать, а мы с Нэнси и Кэти подтащили к очагу стулья и сели со спицами в руках – вязать шарфы. В окно бился холодный зимний ветер, от его порывов дрожали стоящие на полках банки со специями.

Мистер Гамильтон тряхнул головой и отложил «Таймс». Снял очки, протер глаза.

– Снова плохие новости? – Миссис Таунсенд подняла глаза от рождественского меню, щеки ее горели от жара.

– Хуже некуда. – Он вернул очки на место. – Большие потери под Ипром.

Он встал и подошел к стене, где недавно повесил карту Европы. На ней красовались разных цветов булавки, обозначающие армии и участки фронта (из старых запасов Дэвида). Вынул с территории Франции одну из голубых булавок и заменил ее желтой, пробормотав себе под нос:

– Не нравится мне все это.

– А мне – вот это, – вздохнула миссис Таунсенд, постучав карандашом по меню. – Как прикажете готовить рождественский ужин без масла, чая, даже без индейки?

– У нас нет индейки? – ахнула Кэти.

– Ни крылышка.

– А что же мы будем подавать?

– Не наводи панику раньше времени, – покачала головой миссис Таунсенд. – Придумаю что-нибудь, как всегда.

– Да, миссис Таунсенд, – уверенно согласилась Кэти. – Уж вы-то придумаете.

Миссис Таунсенд подозрительно поглядела на нее – уж не было ли в последних словах иронии – и снова взялась за меню.

Я пыталась сосредоточиться на работе, но когда у меня в очередной раз спустилась петля, я отложила шарф и встала. Одна мысль не давала мне покоя весь вечер. Сегодня днем я видела в деревне кое-что непонятное.

Я одернула фартук и обратилась к мистеру Гамильтону, который, понятное дело, знал все на свете.

– Мистер Гамильтон, – начала я.

– Да, Грейс? – Он взглянул на меня поверх очков, сжимая в длинных тонких пальцах синий карандаш.

Я опасливо оглянулась на остальных, но они вроде были заняты беседой.

– В чем дело, девочка? Язык проглотила?

Я кашлянула.

– Нет, мистер Гамильтон. Я просто... хотела кое-что спросить. Я сегодня была в деревне...

– И что же? Говори, не бойся.

Я снова оглянулась.

– Мистер Гамильтон, а где Альфред?

– Наверху, разливает херес. Да в чем дело? При чем тут Альфред?

– Ну, просто я заметила его сегодня в деревне...

– Да, он был там по моему поручению.

– Я знаю, мистер Гамильтон. Я видела его у Макуитера. И видела, как он вышел. – Я чуть не сжала губы – почему-то вдруг расхотелось договаривать. – Он получил белое перо⁹, мистер Гамильтон.

– Белое перо?! – Мистер Гамильтон вытаращил глаза и чуть не уронил карандаш.

Я кивнула, вспомнив, как обычно быстрый и живой Альфред оцепенело стоял, разглядывая позорный подарок, а прохожие понимающе шептались вокруг. Как он опустил глаза и пошел прочь, ссутулившись и склонив голову.

– Белое перо!

К моей досаде, мистер Гамильтон повторил это так громко, что все прислушались.

– Что случилось, мистер Гамильтон? – спросила миссис Таунсенд.

⁹ *Белое перо* – символ трусости. В военное время молодым мужчинам, избегавшим военной службы, иногда давали или посылали белые перья. Выражение пришло из петушиных боев. Было замечено, что петухи с красной и черной окраской вырывают перья из хвостов более трусливых белых петухов.

Мистер Гамильтон провел рукой по щеке и помотал головой, не в силах поверить моим словам.

– Альфред получил белое перо.

– Нет! – вскрикнула миссис Таунсенд, схватившись пухлой рукой за сердце. – Не может быть! Кто угодно – только не наш Альфред!

– А откуда вы знаете? – полюбопытствовала Нэнси.

– Грейс видела. Сегодня утром, в деревне.

Я кивнула, чувствуя дрожь при мысли о том, что раскрыла ящик Пандоры с чужими секретами. А теперь и не закроешь.

– Этого не может быть, – заявил мистер Гамильтон, одергивая куртку. Он вернулся к своему стулу и заправил дужки очков за уши. – Альфред не предатель. Он и так участвует в войне, неся службу здесь, в доме. Ценный работник в почтенной семье.

– Но ведь это не то же самое, что сражаться на фронте, мистер Гамильтон, – возразила Кэти.

– Именно что то же самое! – взорвался мистер Гамильтон. – В этой войне у каждого своя роль, Кэти. Даже у тебя. Наш долг – хранить страну, чтобы солдаты, вернувшись с победой, увидели, что ничего не изменилось, их ждет прежняя жизнь.

– Значит, даже когда я чищу кастрюли, я помогаю фронту? – недоверчиво спросила Кэти.

– Как ты чистишь – так нет, – отрезала миссис Таунсенд.

– Да, Кэти, – ответил мистер Гамильтон. – Хорошая работа и вязание – вот ваш вклад в победу. Наш вклад, – поправился он, взглянув на меня и Нэнси.

– А по-моему, этого недостаточно, – не поднимая головы, буркнула Нэнси.

– Что-что?

Нэнси бросила спицы и сложила на коленях худые руки.

– Ну, – осторожно начала она, – возьмем, к примеру, Альфреда. Молодой здоровый парень. Разве он не принесет больше пользы там, во Франции, вместе с другими солдатами? А разливать херес может любой.

– Любой? – Мистер Гамильтон даже побледнел. – Уж кто-кто, а ты, Нэнси, должна понимать, что служба в таком доме не каждому по плечу.

Нэнси покраснела.

– Конечно, мистер Гамильтон. Я не то имела в виду. – Она нервно постукивала костяшками пальцев друг о друга. – Я просто... просто сама в последнее время чувствую себя какой-то... бесполезной.

Только мистер Гамильтон собрался осудить подобные чувства, как на лестнице послышались шаги и в кухню вбежал Альфред. Мистер Гамильтон поджал губы, и мы погрузились в конспиративное молчание.

– Альфред, – наконец подала голос миссис Таунсенд, – к чему лететь сверху вниз сломя голову? – Она пошарила глазами и нашла меня. – Ты напугал бедную Грейс до полусмерти. Несчастливая девочка чуть со стула не свалилась.

Я робко улыбнулась Альфреду, потому что вовсе не испугалась. Просто удивилась, как и остальные. И еще – я чувствовала себя виноватой. Не надо было спрашивать у мистера Гамильтона про перо. Мне нравился Альфред – он был добрый и вечно пытался растормошить меня, когда я замыкалась в своей скорлупе. Нечестно было обсуждать его вот так, за спиной.

– Извини, Грейс, – сказал Альфред. – Просто там мастер Дэвид приехал.

– Да, – подтвердил мистер Гамильтон, взглянув на часы. – Как мы и ожидали. Доукинс должен был встретить его на станции с десятичасового поезда. Миссис Таунсенд держит ужин горячим, неси его наверх.

Альфред кивнул, переводя дыхание.

– Только знаете что, мистер Гамильтон? Мастер Дэвид – он вернулся из Итона не один. С ним товарищ – думаю, сын лорда Хантера.

Я затаила дыхание. Ты говорил мне когда-то, что в любой истории есть точка невозвращения. Все главные герои вышли на сцену, и действие уже не остановить. Автор теряет контроль над сюжетом, и тот разворачивается сам по себе.

С появлением Робби Хантера мы перешли Рубикон. А я – я перейду его? Еще не поздно повернуть назад. Снова аккуратно переложить всех героев папиросной бумагой и уложить обратно – в шкапулку моей памяти.

Я улыбаюсь, чувствуя, что прервать этот рассказ – то же, что пытаться остановить бег времени. Я далеко не романтик и не считаю, что события сами требуют о них рассказать. Зато я достаточно честна, чтобы признать, что хочу поделиться с тобой старой тайной.

Итак – Робби Хантер.

Зимой каждый из десяти тысяч томов, журналов и манускриптов библиотеки Ривертон доставали, вытирали и ставили на место. Ежегодный ритуал, который в тысяча восемьсот сорок шестом году ввела мать нынешнего лорда Эшбери. Она ненавидела пыль, объяснила Нэнси, и на то имелись свои причины. Однажды темной осенней ночью маленький брат лорда, всеобщий любимец, которому не исполнилось еще и трех, заснул, чтобы никогда уже не проснуться.

И хотя доктора не подтвердили ее догадку, мать была уверена, что младший сын задохнулся от пыли, которая копилась в доме с незапамятных времен. В особенности в библиотеке – именно там в роковой день мальчики прятались среди старых карт с нанесенными на них маршрутами путешествий далеких предков.

С леди Гитой Эшбери шутки были плохи. Задвинув подальше горе, она призвала на помощь силу и уверенность, которые помогли ей когда-то отказаться от родины, семьи и наследства ради любви. Она объявила войну: собрала войска и приказала им уничтожить коварного врага. Дом мыли и чистили целую неделю, прежде чем хозяйка решила, что теперь в нем нет ни намека на пыль. И лишь тогда она оплакала своего малыша.

С тех пор каждый год, как только с деревьев слетали последние листья, уборку повторяли. Даже когда умерла ее основоположница, ничего не изменилось. Исступленная ненависть к пыли передалась новым поколениям Хартфордов вместе с жизнелюбием и голубыми глазами.

Зимой тысяча девятьсот пятнадцатого года соблудности ритуал выпало мне (возможно, это была маленькая месть мистера Гамильтона за ту сумятицу, что я внесла в тишину ривертонской кухни своим рассказом об Альфреде). После завтрака он вызвал меня в буфетную, аккуратно прикрыл дверь и объяснил, какой чести я удостоена.

– На эту неделю ты освобождаешься от своих обычных обязанностей, Грейс, – сказал он, улыбаясь мне из-за стола. – Каждое утро ты будешь приходить прямо в библиотеку. Начиная с верхних полок и двигайся к нижним.

Затем он приказал мне вооружиться тряпкой, перчатками и решимостью с честью выполнить нудную и тяжелую работу.

– Помни, Грейс, – вещал мистер Гамильтон, упираясь в стол растопыренными пальцами, – лорд Эшбери очень не любит пыли. На тебе лежит огромная ответственность, и ты должна быть благодарна...

Стук в дверь.

– Войдите, – нахмурившись, крикнул мистер Гамильтон.

Дверь отворилась, влетела Нэнси, размахивая руками, как насекомое – лапками.

– Мистер Гамильтон! Идите скорее наверх, мы там без вас не разберемся.

Мистер Гамильтон встал, снял с крючка у двери куртку и поспешил вверх по лестнице. Мы с Нэнси – за ним.

У главного входа стоял садовник Дадли и мял в руках шляпу. У его ног лежала гигантская свежесрубленная, липкая от смолы ель.

– Мистер Дадли, – сказал мистер Гамильтон, – что здесь происходит?

– Вот елку принес.

– Вижу. Но что вы делаете здесь? – Он обвел рукой парадный вестибюль и опустил глаза, рассматривая ель. – И главное – что здесь делает это дерево? Оно слишком большое.

– Зато какое красивое, – восторженно сказал Дадли, с любовью взирая на елку. – Я за ней много лет следил, ждал, пока войдет в полную силу. И вот к этому Рождеству она наконец выросла. – Он торжественно поглядел на мистера Гамильтона. – Ну разве что переросла капельку.

Мистер Гамильтон повернулся к Нэнси:

– Что тут происходит?

Нэнси уперла руки в бока и поджала губы.

– Елка не влезает, мистер Гамильтон. Дадли попробовал поставить ее в гостиной, где всегда, но она на целый фут выше, чем нужно.

– Вы что, не измеряли дерево? – обратился мистер Гамильтон к садовнику.

– Измерял, сэр, – уверил его Дадли. – Только я не слишком силен в арифметике.

– Значит, возьмите пилу и укоротите елку на фут, только и всего.

Мистер Дадли горестно покачал головой:

– Я б так и сделал, сэр, только откуда отпиливать-то? Ствол уже и так короче некуда, а верхушку разве можно трогать? Куда ж тогда ангелочка-то сажать? – Он простодушно хлопал глазами.

Мы застыли, обдумывая проблему; в мраморном вестибюле громко тикали часы. Скоро хозяева выйдут на завтрак. В конце концов мистер Гамильтон торжественно объявил:

– Думаю, другого выхода нет: мы и впрямь не имеем права обрезать верхушку, лишив ангела его законного места и нарушив тем самым традицию. Поэтому ель будет установлена в библиотеке.

– В библиотеке? – изумилась Нэнси.

– Да. Под стеклянным куполом. – Он метнул на Дадли испепеляющий взгляд. – Там она поместится во весь рост и во всей красе.

Утром первого декабря, когда я забралась на галерею библиотеки – в самый дальний угол к самой дальней полке, мысленно готовясь к тяжелой и пыльной работе, – в центре комнаты уже возвышалась огромная елка, восторженно воздевшая к небу верхние ветви. Я очутилась вровень с ее верхушкой; густой и тяжелый хвойный аромат плыл по библиотеке, перебивая застарелый запах книжной пыли.

Галерея тянулась по всему периметру комнаты, высоко над полом, и сперва я здорово пала духом. Потому решила дать себе небольшую отсрочку – попривыкнуть, тем более что отсюда открывался необычный вид на библиотеку. Не зря говорят, что даже знакомое место невероятно преображается, если посмотреть на него сверху. Я подошла к перилам и оглядела комнату под елкой.

Библиотека, обычно такая просторная и внушительная, теперь показалась мне похожей на театральную сцену. Привычные предметы – рояль «Стейнвей», письменный стол, глобус лорда Эшбери – вдруг странно уменьшились, словно превратились в декорации, которым не хватает только появления актеров.

Застывшими в ожидании выглядели кушетка и кресла, рояль и восточный ковер с разбросанными по нему квадратами света. Декорации стоят – время явиться артистам. Что за пьесу они могли бы разыграть, гадала я. Комедию, трагедию, какую-то современную пьесу?

Я бы с удовольствием простояла так целый день, но в голове звучал настойчивый голос – голос мистера Гамильтона. Он предупреждал, что лорд Эшбери любит устраивать внезапные проверки. Поэтому я отогнала посторонние мысли и вытащила с полки первую книгу. Обтерла ее – корешок, обложку, – поставила на место и вынула следующую.

Через два дня я управилась с восемью из десяти полок и собиралась приняться за девятую. К моему удовольствию, начав с верхних полок, я уже дошла до нижних и теперь могла работать сидя. Я перетерла уже четыре тысячи книг, руки привыкли к однообразным движениям и действовали, к счастью, автоматически, потому что голова отключилась еще с первого дня. Книги снились мне в кошмарах – ночь за ночью, обложка за обложкой.

Я как раз взяла с девятой полки девятую книгу, и тут зимнюю тишину нарушил резкий, неожиданный звук рояля. Я невольно обернулась и поглядела вниз.

Там, трогая пальцами клавиши из слоновой кости, стоял совершенно незнакомый юноша. Я, правда, тут же поняла, кто это. Тот самый итонский друг мастера Дэвида. Сын лорда Хантера.

Симпатичный. Хотя кто не симпатичен в юности? Нет, тут было нечто большее. Некоторые приносят с собой шум и суету, а этот молодой человек был красив какой-то тихой, молчаливой красотой. Высокий и тонкий, но не долговязый, русые волосы – длиннее, чем положено по тогдашней моде, – падали на щеки и воротник. Темные грустные глаза под черными бровями говорили об одиночестве и каком-то глубоком горе, которое так и не прошло до конца.

Я наблюдала, как гость изучает библиотеку – пристально, не спеша, не двигаясь с места. Наконец его взгляд остановился на картине. Синий и черный цвета смешивались, образуя фигуру женщины, повернувшейся к художнику спиной. Картина скромно висела на дальней стене в окружении пузатых бело-синих китайских ваз.

Юноша подошел поближе, остановился. Мне было так интересно наблюдать, как он внимательно рассматривает картину, полностью отрешившись от всего остального, что любопытство победило чувство долга. Книги на девятой полке продолжали пылиться, а я все подсматривала за гостем.

Он откинулся чуть назад, затем подался вперед, завороченный картиной. Я заметила, как странно, неподвижно висели вдоль тела его длинные руки.

Он все стоял, наклонив голову, впитывая в себя увиденное, когда за его спиной хлопнула дверь и в библиотеку, с китайской шкатулкой в руках, ворвалась Ханна.

– Дэвид! Мы придумали, куда отправимся в этот раз...

И замолчала, когда Робби обернулся и поглядел на нее. Он чуть улыбнулся, и эта улыбка так преобразила его лицо, что я даже подумала, не приснились ли мне грусть и меланхолия. Лишившись серьезности, оно стало открытым, мальчишеским и очень симпатичным.

– Простите, – пробормотала порозовевшая, растрепанная Ханна. – Я приняла вас за брата.

Она поставила шкатулку на край кушетки и торопливо одернула белое платье.

– Прощаю, – улыбнулся Робби еще веселей, чем в первый раз, и снова повернулся к картине.

Ханна уставилась ему в спину, не зная, куда деваться от неловкости. Она, как и я, ждала, что он наконец подойдет, подаст ей руку, назовет свое имя – как это принято, когда знакомишься.

– Так много сказано – и такими скупыми средствами, – сказал он наконец.

Ханна посмотрела на картину, но ее загоразивала спина Робби. Не зная, что ответить, она только смущенно вздохнула.

– Невероятно, – продолжал он. – Вы так не считаете?

Его невоспитанность явно сбила Ханну с толку. Ей ничего не оставалось, как подойти и встать рядом.

– Дедушка не очень любит эту картину, – пытаюсь выглядеть беззаботной, сказала она. – Считает ее дешевой и вульгарной. Поэтому и засунул ее сюда.

– А вы сами как считаете?

Ханна будто впервые посмотрела на полотно.

– Может быть, она и дешевая. Но уж точно не вульгарная.

– Откровенность не может быть вульгарной, – кивнул Робби.

Ханна украдкой взглянула на его профиль, будто собираясь спросить, кто он, как попал сюда, почему любит дедушкиными картинами у них в библиотеке. Она действительно открыла рот, но не смогла найти нужных слов.

– А зачем ваш дедушка повесил ее тут, если считает вульгарной? – спросил Робби.

– Потому что это подарок, – ответила Ханна, радуясь, что наконец-то знает ответ. – От одного важного испанского графа – он приезжал к нам охотиться. Это ведь испанский художник.

– Да, Пикассо. Я и раньше видел его работы.

Ханна удивленно подняла брови, и Робби улыбнулся:

– В книге, мне мама показывала. Она из Испании, у нее там оставались родные.

– Испания... – мечтательно повторила Ханна. – А вы ездили туда? Видели Куэнку? Севилью? Бывали в замке Алькасар в Сеговии?

– Нет. Но мама так много рассказывала мне о родных местах, что мне казалось, я их знаю. Я часто обещал ей, что когда-нибудь мы вернемся туда вместе. Лучше зимой – ускользнем, как птицы, от английских холодов.

– Но не этой зимой?

Робби ошеломленно взглянул на Ханну:

– Я думал, вы знаете. Моя мама умерла.

У меня перехватило горло, и тут распахнулась дверь, и вошел Дэвид. Я заморгала от досады, желая, чтобы он исчез, пришел чуть попозже, чтобы успела завершиться маленькая драма, которая только-только начала разворачиваться на моих глазах. Но зритель не имеет права вмешиваться в спектакль, и все уже было решено. Первый акт закончился, пришло время второго.

– Вижу, вы уже познакомились, – лениво улыбаясь, сказал Дэвид. Он вырос с тех пор, как я видела его последний раз. Или нет? Может быть, дело в том, что он по-другому двигался, держался и потому казался незнакомым – старше, взрослее.

Ханна кивнула и неловко отодвинулась. Глянула на Робби, но не успела сказать ни слова, как дверь снова хлопнула и в комнату ворвалась Эммелин.

– Дэвид! Ну наконец-то. Мы чуть не умерли со скуки. Так хотели поиграть в Игру! Мы с Ханной уже решили, ну почти решили, куда... – Тут она увидела Робби. – Ой! Здравствуй. Вы кто?

– Робби Хантер, – ответил Дэвид. – С Ханной вы уже знакомы, а это моя младшая сестра, Эммелин. Робби учится со мной в Итоне.

– Вы пробудете у нас выходные? – спросила Эммелин, краем глаза взглянув на Ханну.

– Да нет, подольше, если не надоем, – ответил Робби.

– У Робби нет никаких планов на рождественские каникулы, – объяснил Дэвид. – Так что он вполне может провести их с нами.

– Все каникулы? – переспросила Ханна.

Дэвид кивнул:

– Нам же самим будет веселей в компании. А то мы тут с тоски засохнем.

Даже издалека я ощутила раздражение Ханны. Она положила руки на китайскую шкатулку. Правило номер три – только трое могут играть в Игру: придумывать сюжеты, планировать путешествия – испарялось на глазах. Ханна глядела на брата с нескрываемым осуждением, которое он предпочел не заметить.

– Посмотрите-ка на эту елку, – с преувеличенной бодростью предложил он. – Давайте начнем наряжать ее прямо сейчас, если хотим успеть к Рождеству.

Девочки остались стоять, где стояли.

– Ну, Эмми, – сказал Дэвид и переставил коробку с игрушками со стола на пол, старательно избегая взгляда Ханны, – покажи Робби, что надо делать.

Эммелин поглядела на сестру. Ее раздирали противоречия. С одной стороны, она разделяла негодование Ханны и очень хотела поиграть в Игру, с другой – младший ребенок в семье, она выросла с ощущением, что всегда будет для старших третьей лишней. А сейчас Дэвид выбрал ее. Позвал помогать. Возможность стать второй, а не третьей оказалась неодолимой. Расположение Дэвида, его дружба – сокровища, от которых не отказываются.

Эммелин украдкой взглянула на Ханну и улыбнулась Дэвиду. Взяла из его рук сверток и начала разворачивать стеклянные сосульки, демонстрируя каждую Робби.

Ханна поняла, что проиграла. Пока Эммелин радостно взвизгивала над забытыми за год украшениями, Ханна расправила плечи – побеждена, но не сломлена – и, забрав китайскую шкатулку, вышла из библиотеки. Дэвид с притворным смирением следил за ней. Когда она вернулась, уже с пустыми руками, Эммелин подняла голову.

– Ты представляешь, – сказала она, – Робби никогда в жизни не видел фарфорового ангела!

Ханна, прямая как палка, проследовала мимо нее и села на ковер. Дэвид подошел к роялю, занес над клавишами руки. Потом плавно опустил их, осторожными касаниями пробуждая инструмент к жизни. И только когда и рояль, и все слушатели настроились на нужную ноту, заиграл. Одно из самых прекрасных, на мой взгляд, произведений. Вальс си минор Шопена.

Это может показаться невероятным, но в тот день в библиотеке я впервые слушала музыку. Живую музыку, я имею в виду. Я смутно припоминаю, как мама пела мне, когда я была совсем маленькой, потом спина ее согнулась, а песни куда-то исчезли. Да мистер Коннели, что жил через дорогу, доставал, бывало, волынку и играл жалостливые ирландские мелодии, когда напивался в кабачке в пятницу вечером. Но тут я услышала что-то совсем другое.

Я прижалась щекой к перилам и закрыла глаза, отдаваясь волшебным парящим звукам. Не могу сказать, хорошо ли играл Дэвид, – с чем мне было сравнивать? Мне его игра казалась и кажется безупречной.

Когда последняя нота все еще звенела в солнечном воздухе, Эммелин сказала:

– Дай теперь мне поиграть. Это какая-то не рождественская музыка.

Я открыла глаза, а Эммелин начала старательно исполнять рождественский гимн «О, придите, верные». Играла она хорошо, и музыка была приятная, но волшебство куда-то исчезло.

– А вы играете? – спросил Робби у Ханны, которая, скрестив ноги, молча сидела на полу. Дэвид хохотнул:

– У Ханны много талантов, но к музыке они не имеют ни малейшего отношения. – Он хитро улыбнулся. – Хотя... после того как я узнал о тайных уроках, которые ты берешь в деревне, кто знает...

Ханна посмотрела на Эммелин, которая виновато пожала плечами.

– Оно как-то само вырвалось.

– Я предпочитаю слова, – холодно сказала Ханна. Она развернула сверток с крошечными солдатиками и покачала их на ладони. – Они меня лучше слушаются.

– Робби тоже пишет, – сказал Дэвид. – И здорово пишет, между прочим. Он поэт. Несколько его стихов напечатали в этом году в школьной газете. – Он поднял повыше стеклянный шар, по ковру разлетелись радужные блики. – Как там то, которое мне больше всех нравится? Про разрушенный замок?

Скрипнула дверь, заглушив ответ Робби, появился Альфред с подносом, полным пряничных человечков, засахаренных фруктов и набитых орехами картонных рогов изобилия.

– Простите, мисс, – сказал он, ставя поднос на стол для напитков. – Это от миссис Таунсенд, на елку.

– Как замечательно! – воскликнула Эммелин, бросая играть и подскакивая к столу, чтобы схватить человечка.

Как только она отвернулась, Альфред украдкой посмотрел на галерею и поймал мой любопытный взгляд. Когда Хартфорды занялись елкой, он незаметно прошел вдоль стены и поднялся ко мне.

– Как продвигается работа? – прошептал он, высовывая голову из люка.

– Хорошо, – шепнула я в ответ. Собственный голос показался мне каким-то странным – так давно я его не слышала. Потом виновато поглядела на книгу, зажатую в руке, и на пустое место на полке – всего девять книг протерто.

Альфред проследил за моим взглядом и поднял брови.

– Похоже, я вовремя. Помогу тебе.

– А если мистер Гамильтон...

– Он не хватится меня еще полчаса или около того. – Альфред улыбнулся и показал на дальний конец полки. – Я начну отсюда, и мы встретимся посередине.

Я кивнула, чувствуя смущение и благодарность.

Альфред вынул из кармана куртки тряпку, уселся на пол в другом конце галереи и снял с полки книгу. Я следила, как он сосредоточенно вертит ее, обтирая со всех сторон, ставит на полку и берет следующую. Он сидел, скрестив ноги, поглощенный работой, и напоминал мне ребенка, который чудесным образом превратился во взрослого: русая шевелюра, обычно аккуратно причесанная, растрепалась, и челка качалась в такт движениям рук.

Альфред поднял голову и встретился со мной глазами. Я отвернулась – от его взгляда по всему телу побежали мурашки. Щеки вспыхнули. Неужели он понял, что я его разглядывала? Интересно, он на меня еще смотрит? Я не решалась проверить, чтобы он не подумал чего-нибудь такого. Или не смотрит? Кожу покалывало от воображаемого взгляда.

Так было уже несколько дней. Между нами встало что-то, чему я не могла найти названия. Легкость в отношениях, которую я начала было испытывать, исчезла, сменилась неловкостью, непониманием. Я гадала, не в истории ли с пером все дело. Вдруг он видел, как я гладела на него в деревне? Или еще хуже – выяснил, что это я проболталась обо всем мистеру Гамильтону и остальным.

Я начала еще усердней тереть очередную книгу, нарочито глядя в другую сторону – вниз, сквозь перила. Возможно, если я не буду обращать на Альфреда внимания, неловкость пройдет так же быстро, как и время.

Вернувшись к наблюдению за Хартфордами, я почувствовала себя растерянным зрителем, который умудрился заснуть во время представления, а проснувшись, обнаружил, что декорации сменились и действие ушло далеко вперед. Я попыталась сосредоточиться на голосах, легко пронзавших прозрачный свет зимнего солнца, странных и незнакомых после перерыва.

Начался третий акт, Эммелин демонстрировала Робби сласти миссис Таунсенд, а старшие брат с сестрой обсуждали войну.

Ханна оторопело глядела на Дэвида из-за серебряной звезды, которую она пыталась приладить на елку.

– И когда ты уходишь?

– В начале будущего года, – с горящими от возбуждения щеками ответил Дэвид.

– Но когда же ты... Давно ты?..

Он пожал плечами:

– Я думал об этом долгие годы. Ты же знаешь, как я люблю приключения.

Ханна глядела на брата. Появление Робби Хантера и невозможность заняться Игрой выбили ее из колеи, но это новое предательство не шло ни в какое сравнение с предыдущим.

– А па знает? – ледяным голосом осведомилась она.

– Пока нет.

– Он тебя не отпустит, – уверенно и с видимым облегчением сказала Ханна.

– Не сможет, – уверил ее Дэвид. – Он ни о чем не узнает, пока я в целости и сохранности не окажусь на французской земле.

– А если узнает?

– Не узнает. Потому что никто ему не скажет, – выразительно глядя на сестру, ответил Дэвид. – В любом случае пусть спорит сколько угодно – меня он все равно не остановит. Я ему не позволю. Не хочу упустить свой шанс только потому, что он упустил свой. Я сам себе хозяин, и па пора бы это понять. Только потому что он ведет жалкую жизнь...

– Дэвид! – резко сказала Ханна.

– Но это же правда. Даже если ты этого не замечаешь. Он всю жизнь просидел под каблуком у бабушки – женился на женщине, которая терпеть его не могла, провалил все дела, за которые брался...

– Дэвид!!!

Я почти физически ощутила негодование Ханны. Она глянула на Эммелин, чтобы удостовериться, что та ничего не слышит.

– Как тебе не стыдно! Никакого уважения!

Дэвид перехватил ее взгляд и понизил голос:

– Я не позволю ему портить мою жизнь только потому, что он испортил свою. Он просто жалок.

– Вы о чем говорите? – вклинилась в разговор Эммелин. Она нахмурилась, сжав в кулаке засахаренный орех. – Вы что, ругаетесь?

– Конечно нет, – ответил Дэвид, выдавив улыбку в ответ на сердитый взгляд Ханны. – Я просто рассказывал Ханне, что собираюсь во Францию. На войну.

– Как интересно! – воскликнула Эммелин. – А Робби тоже собирается?

Робби кивнул.

– Можно было сразу догадаться, – фыркнула Ханна.

Дэвид не обратил на нее внимания.

– Кто-то же должен присмотреть за этим парнем, – улыбнулся он, глядя на Робби. – И вообще, не ему одному все интересное.

Я прочла в его взгляде что-то такое... Восхищение? Обожание?

Ханна заметила то же самое. Сжала губы. Теперь она знала, кто виноват в предательстве брата.

– Робби идет на войну, чтобы слинять от своего старика, – сказал Дэвид.

– А почему? – возбужденно спросила Эммелин. – Что он наделал?

– Это долгая и грустная история, – пожал плечами Робби.

– Ну хоть намекните! – просила Эммелин. – Пожалуйста! – Она широко раскрыла глаза. – Знаю! Он грозитя лишить вас наследства!

Робби сухо, безрадостно рассмеялся:

– Да нет. – Он покатал в пальцах стеклянную сосульку. – Как раз наоборот.

– Он грозитя оставить вам наследство? – нахмурилась Эммелин.

– Он хочет, чтобы мы изображали счастливое семейство.

– А вы не желаете быть счастливым? – холодно поинтересовалась Ханна.

– Я не желаю быть семейством, – ответил Робби. – Мне и одному неплохо.

Эммелин еще шире раскрыла глаза:

– А я бы ни за что не согласилась жить одна – без Ханны, без Дэвида. И без па, конечно.

– Тебе этого не понять, – сказал Робби. – Твои родные не делали тебе зла.

– А ваши? – спросила Ханна.

Наступила тишина. Все, включая меня, уставились на Робби.

Я затаила дыхание. Я ведь уже слышала историю нашего гостя. В ночь его неожиданного приезда в Ривертон, пока мистер Гамильтон и миссис Таунсенд хлопотали насчет ужина и спальни, Нэнси наклонилась к моему уху и поделилась всем, что знала сама.

Робби – сын недавно титулованного лорда Гастинга Хантера, который прославился изобретением нового вида стекла – его можно было обжигать в печи. Лорд купил большое имение под Кембриджем, выделил одну из комнат для своих экспериментов и зажил жизнью сельского помещика, вместе с женой. А этот мальчик, по словам Нэнси, появился на свет в результате интрижки Хантера с горничной. Молодой испанкой, ни слова не знавшей по-английски. Девушка быстро надоела лорду, но он согласился содержать ее и ребенка и даже оплатить обучение мальчика в обмен на молчание. Молчание ее и довело: говорят, она наложила на себя руки.

Как не стыдно, повторяла, покачивая головой, Нэнси, так обращаться с горничной, оставлять ребенка без отца? Неудивительно, что им все сочувствуют. И все-таки, многозначительно глядя на меня, говорила она, ее светлость вовсе не в восторге от такого гостя. Не нашего он поля ягода.

Понять ее было несложно: есть титулы и титулы – одни передаются от поколения к поколению, другие сверкают, что твой новый автомобиль. Робби, сын (не важно, законный или нет) новоявленного лорда Хантера, был недостаточно хорош для Хартфордов, а значит, и для нас.

– Ну расскажите! – просила Эммелин. – Чем вас обидел ваш папа?

– Что еще за допрос? – улыбаясь, перебил ее Дэвид и повернулся к Робби. – Извини, Хантер. Эта парочка на редкость любопытна. Им общения не хватает.

Эммелин с улыбкой кинула в него ворохом бумаги. Бумага не долетела и свалилась в кучу других оберток, разбросанных под елкой.

– Ничего страшного, – напряженно ответил Робби и отбросил с лица прядь волос. – С тех пор как умерла мама, отец пытается меня приручить.

– А вы? – спросила Эммелин.

– А я не хочу, чтобы меня приручали. Особенно он.

– А зачем он это делает? – не отставала Эммелин.

Робби грустно улыбнулся:

– Отец долго пытался забыть о моем существовании, а теперь вдруг сообразил, что ему нужен наследник. Жена, видимо, не смогла подарить ему сына.

Эммелин переводила непонимающий взгляд с сестры на брата.

– Вот Робби и собрался на войну, – подытожил Дэвид. – Чтобы отвязаться.

– Сочувствую, – нехотя выдавила Ханна.

– И я, – поддержала Эммелин, ее детское личико выражало искреннюю жалость. – Вы, наверное, очень тоскуете по маме. Я, например, страшно тоскую по своей, хотя совсем ее не помню.

Наступила тишина. Потом Робби, не поднимая головы, сказал:

– Мне кажется, будто я был в нее влюблен. Странно, да?

– Да нет, – отозвалась Ханна.

Эммелин вздохнула:

– А теперь вы идете на войну, чтобы оказаться подальше от жестокого отца. Прямо как в книжке.

– В мелодраме, – сказала Ханна.

– Нет, в романе, – горячо возразила Эммелин. Она развернула очередной сверток, и на колени ей высыпалась куча самодельных свечей, наполнивших воздух ароматом корицы. –

Бабушка говорит, что долг каждого мужчины – идти на войну. Те, кто остается дома, дезертиры и негодяи.

По моему телу снова побежали мурашки. Я посмотрела на Альфреда и тут же отвела глаза, встретившись с его взглядом. Его лицо пылало, в глазах светилось оскорбленное самолюбие. Совсем как тогда, в деревне. Он резко встал, уронил тряпку, а когда я попыталась вернуть ее, покачал головой и, не глядя мне в глаза, пробормотал что-то насчет мистера Гамильтона, который, поди, его уже ищет. Я беспомощно глядела, как он спустился по лестнице и выскользнул из библиотеки, не замеченный младшими Хартфордами. Ну почему я такая несдержанная?!

Отвернувшись от елки, Эммелин посмотрела на Ханну:

– Бабушка разочаровалась в па. Считает, что ему на все наплевать.

– Ей не в чем разочаровываться, – отрезала Ханна. – А па вовсе не наплевать. Если бы он мог, он в ту же секунду оказался бы на фронте.

В комнате повисла тяжелая тишина, я услышала, как часто я дышу, переживая за Ханну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.